

АНДРЕЙ ЛЕВИН
ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН
ЦЗЯО

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Андрей Левин

Желтый дракон Цзяо

«Центрполиграф»

1990

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Левин А. М.

Желтый дракон Цзяо / А. М. Левин — «Центрполиграф»,
1990 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-227-06595-7

Роман журналиста-международника Андрея Левина рассказывает о борьбе сингапурской полиции против одного из крупнейших тайных обществ в Юго-Восточной Азии – «Триады». Автор, долгое время работавший в странах Юго-Восточной Азии, анализирует истоки и причины организованной преступности тайных обществ в этом регионе, именуемых там китайской мафией и занимающихся грабежом, торговлей наркотиками, валютой, золотом, «живым товаром».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-227-06595-7

© Левин А. М., 1990
© Центрполиграф, 1990

Содержание

Пролог	6
Часть первая	14
1	14
2	21
3	28
4	38
5	46
6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Левин

Желтый дракон Цзяо

© А. М. Левин, наследники, 2016

© «Центрполиграф», 2016

Пролог

Клятва в монастыре

За невысокой каменной оградой Шаолиньского монастыря прозвучало несколько гулких ударов в колокол. Тягучий, вязкий звон на мгновение повис в воздухе. Потом он медленно поплыл через монастырские стены, ивовую рощицу, которая начиналась сразу же за ними, через террасы рисовых полей, гигантскими ступенями сбегавших со склонов гор, и утонул в сочно-зеленом бархате растительности где-то у вершин.

Время вечерней трапезы и службы уже прошло. Поэтому монахи, направляясь группами из своих келий в молельню, вполголоса спрашивали друг у друга, что мог означать сей неожиданный призыв.

Через несколько минут двор опустел. Звонарь, ударив в колокол, пробил вторую стражу.¹ В этот момент из отдаленной кельи вышли еще четыре послушника. Один из монахов, оглянувшись по сторонам, убедился, что за ними никто не наблюдает, и кивнул остальным. Все четверо быстро пересекли двор и исчезли в воротах.

Покосившиеся ворота с надписью «Кумирня, где постигается мудрость», обшарпанные, местами полуразвалившиеся стены, заброшенный, поросший дикими травами сад, давно не крашенные постройки, неухоженное монастырское кладбище – все свидетельствовало о том, что святая обитель переживает далеко не лучшие времена.

Когда-то здесь устраивались ослепительно-роскошные приемы для местной знати из соседнего городка и окрестных деревень, представления театра теней, праздники фонарей,² шумные ярмарки. Но все это кануло в прошлое. В год Обезьяны династия Мин рухнула под ударами маньчжурских орд. Многие города были разрушены до основания, опустошены целые районы. Несметное количество отрубленных голов служило жутким украшением дороги завоевателей. Чужеземцы глумились даже над мертвыми. Они разрывали могилы тех, кто при жизни не покорился им, обезглавливали и сжигали их тела. Мужчин, чтобы унижить побежденных, под страхом смертной казни заставляли, по маньчжурскому обычаю, носить косу и брить часть головы. В деревнях новые власти установили жесткий закон круговой поруки – баоцзя. Доносы, преследования, пытки, казни стали таким же обычным атрибутом сельской жизни, как поклонение культу предков.

Особенно настороженно маньчжуры относились к монастырям, считая их очагами смут и беспорядков. Храмы, которые на протяжении веков были не только религиозными, но и культурными центрами Китая, хирели.

Пришел в запустение и Шаолиньский монастырь. Не было здесь больше торжественных обедов с неповторимыми, разносившимися далеко вокруг ароматами китайской кухни. Перестали наезжать поэты, читавшие свои стихи перед толпой восторженных почитателей. В монастырских стенах не звучали уже мелодичные трели любимой в народе бамбуковой дудочки юэ, не стало слышно нежных и мягких звуков лютни, мерных раскатистых ударов в каменный гонг. Окрестности не наполнялись более веселым гомоном многолюдных ярмарок. И даже бедные странники не могли найти здесь приюта, как это бывало раньше. Маньчжуры строжайше запрещали всякие сборища, они хватали каждого, кто казался им подозрительным.

Китай медленно увядал под игом маньчжурской династии Цин.³

¹ В старом Китае вечернее и ночное время делилось на двухчасовые отрезки, которые назывались стражей. Первая стража начиналась в семь часов вечера.

² Праздник фонарей отмечался в старом Китае 15-го числа первого месяца по лунному календарю. В праздничную ночь жилища украшались разноцветными фонарями, по вечерам на улицах устраивались шествия с изображением дракона.

³ Цинская династия господствовала в Китае до 1912 года.

Но, завоевав китайский императорский трон, маньчжуры не могли праздновать победу. Господство чужестранцев с первых же дней вызвало возмущение в стране. Маньчжурская конница, продвигаясь к реке Хуанхэ, встретила упорное сопротивление войск, возглавляемых народным героем Ши Кэфа.

Три принца свергнутой Минской династии начали борьбу на юго-востоке и юго-западе. Эту борьбу продолжили повстанческие отряды Ли Динго. Вспыхнуло восстание «трех васалов-князей» на юге. Они сохраняли еще значительную самостоятельность, и маньчжуры решили покончить с опасным для своей власти положением. Был отдан приказ о ликвидации войск князей, но те отказались подчиниться.

Среди крестьян в монастырях начали появляться тайные организации – «Общество старших братьев», «Белая лилия», «Общество Неба и Земли»... Они пользовались большим уважением в народе, потому что провозгласили лозунг «Да возвысится великая Минская династия и да падет Цинский дом!».

Сто восемь послушников Шаолиньского монастыря вели добропорядочный образ жизни, довольствуясь молениями, скромными трапезами, и редко покидали кумирню. Но впечатление покорности и непричастности к мирским делам, которое создавало тихое, размеренное существование обитателей святилища, было обманчивым. В монастырских стенах вынашивались планы борьбы против чужеземцев в южных районах. Монахи создали тайное общество и в соответствии с древней китайской концепцией трех основных сил в мире – Неба, Земли и Человека – назвали его «Триадой».

* * *

... В молельне было тесно и душно. Монахи сидели на полу плотно сомкнутыми рядами. Нескольким послушникам не хватило места, и они устроились на потрескавшихся каменных ступенях у входа.

На алтаре стояли небольшая бронзовая статуэтка Конфуция, курильница и две свечи. На стене висела икона бога богатства, войны и литературы Гуань Юя. Он восседал на троне в головном уборе императора, со сложенными на груди руками. От уголков губ божества свисали длинные жидкие усы. Вокруг Гуань Юя стояла свита: чиновник, воин с алебардой, двое юношей с одинаковыми лицами. Один из юношей держал в руках серебряный слиток, другой – меч и книгу. По обеим сторонам от иконы висели две красные дощечки с позолоченными иероглифами – ритуальная молитва «Триады» и антиманьчжурские стихи. На желтых хоругвах, укрепленных по углам, черными иероглифами был начертан лозунг: «Долой Цин, возвратим Мин!» Перед алтарем стояли курильницы побольше с зажженными благовонными палочками. Палочки медленно тлели, наполняя помещение приторным запахом фимиама. Кругом горело много свечей. Красноватые мерцающие блики танцевали на бледных, землистых лицах монахов.

– Братья! – обратился к присутствующим настоятель монастыря, высохший старик с морщинистым лицом, реденькой бородкой и птичьей шеей. – Варвары Цин узурпировали наше отечество. Разве можно унять в груди чувство ненависти к чужеземцам? Они топчут наши посевы, оскорбляют наши кумирни, измываются над нашими сородичами. Долг каждого китайца – бороться против ненавистных маньчжуров. Но Небо и Земля не рожают одинаковых людей. Есть люди добрые и честные – они рождаются по предопределению доброй судьбы. Злодеи же – по велению злого рока. Дух чистоты и разума властвовал всегда в нашем храме. Но тонкая, как шелковинка, струйка зла и коварства просочилась под наши своды. Червь алчности выел душу одного из нас. Он предал братьев, с которыми делил рис и воду в течение многих лет.

Ропот возмущения пробежал по рядам сидящих. Старик поднял костлявую руку, и в молельне наступила тишина.

– До нынешнего дня ему удавалось скрывать свое гнусное предательство. Но если земля зыбка – она раскалывается. Кто поднялся на цыпочки – не может долго стоять. Кто обманул – не сможет вечно скрывать свой обман. Сегодня я получил известие от нашего брата, который проник в стан врага. Он сообщил, что сюда идут маньчжуры, чтобы не оставить в живых никого из нас. Он сообщил также имя предателя...

* * *

Настоятель умолк, медленно обводя послушников взглядом выцветших глаз. Он взял грех на душу – солгал. Не было ни одного лазутчика. Но весть о том, что маньчжуры собиравятся этой ночью вырезать всех обитателей Шаолинского монастыря, к несчастью, была правдой. Ее принес внук старого Ли, крестьянина-рыбака из соседней деревни, что частенько навещался сюда со своим товаром. Запыхавшийся от быстрого бега мальчонка одним духом выпалил, что сегодня днем у реки он наткнулся на солдат восьмизнаменных войск и, спрятавшись в кустарнике, подслушал их разговор. Они прикидывали, чем бы поживиться ночью в монастыре, когда «монахи-смутьяны отправятся на небо».

Сомневаться не приходилось: маньчжурам сообщили о заговоре. Предателем мог оказаться только кто-то из своих. Посторонние не были посвящены в тайну обитателей Шаолинского монастыря.

Внук рыбака – настоятель это прекрасно понимал – прибежал слишком поздно. Маньчжуры наверняка уже двигаются к кумирне по единственной ведущей сюда дороге. Попытаться покинуть монастырь бесполезно: с трех сторон его окружают отвесные скалы. Оставалось только одно: отправить нескольких человек за помощью к «трем вассалам-князьям», а самим попробовать продержаться до их прихода.

Святой отец призвал к себе в келью четверых самых надежных послушников и приказал им отправляться в путь. Оставшихся он велел собрать, чтобы сообщить им о надвигающейся беде и попытаться обнаружить изменника...

Настоятель говорил медленно, временами замолкая и пыгливо вглядываясь в лица сидящих.

– Братья! – повторил он, и в его голосе зазвучали торжественно-металлические нотки. – Мне известно имя того, кто продал свою душу ненавистным маньчжурам...

Напряжение усилилось. Монахи, подавшись вперед, впились взглядами в лицо старика.

– Он среди вас, братья! – сорвавшимся голосом выкрикнул святой отец, и слова его вспороли повисшую в помещении тишину.

Взгляд настоятеля случайно задержался на открытых дверях молельни, и молодой послушник, сидевший на ступенях у входа среди тех, кому не хватило места внутри, вдруг вскочил и опрометью бросился к приоткрытым воротам монастыря. Несколько человек из задних рядов рванулись за ним.

– Стойте! – поднял руку святой отец. – Он не уйдет далеко.

И действительно, через минуту три дюжих монаха втащили беглеца во двор со скрученными за спиной руками. Мудрый старик предусмотрительно оставил снаружи верных людей.

Сидевшие на полу монахи раздвинулись в стороны. Изменника провели через образовавшийся проход к алтарю и заставили опуститься на колени. Молельня возмущенно гудела. Настоятель знаком приказал всем замолчать.

– Правильно говорят люди, – произнес он в наступившей тишине, – в теле предателя – душа труса. Не думал я, когда подобрал тебя восемнадцать лет назад на дороге – грудного, полумертвого, – что принесу крысу в святую обитель. Не думал, когда растил тебя, что взра-

пчиваю смерть свою. Ответ же нам: что заставило тебя переметнуться к маньчжурам? Много ли посулили тебе за наши головы? Говори же, А Цат!

Юноша стоял на коленях и смотрел перед собой, уставившись в одну точку. Глаз из-под полуприкрытых век почти не было видно – только две маленькие щелочки. Губы плотно сжаты. Казалось, он не слышал слов настоятеля. В полной тишине прошла минута, другая.

Вдруг А Цат очнулся. Он обвел глазами присутствующих, и лицо его исказила гримаса ненависти.

– Вы все умрете! – закричал он. – Все! Вам осталось жить на свете не больше часа! Маньчжуры перебьют вас! И мне наплевать на вас! Слышишь, старик? Наплевать! Вы не убьете меня! Совершенномудрый не простит вам убийства!

Его выкрики перешли в истерические рыдания, из груди вырвались хрипы, в горле заклокотало. Потом А Цат затих. Снова глаза-щелочки. Плотно сжатые губы.

Несколько секунд никто не мог вымолвить слова – все будто оцепенели.

– Пусть заплатит за свою измену! – раздался наконец крик.

Молельня наполнилась гулом возмущенных голосов:

– Смерть предателю! Смерть!

– Отрубить голову!

– Четверговать!

– Повесить!

Настоятель безуспешно пытался утихомирить разъяренных послушников. С большим трудом удалось ему восстановить тишину в молельне.

– Опомнитесь, братья! – негодуя воскликнул он, когда последние выкрики стихли. – Разве Совершенномудрый⁴ учил нас жестокости? Вспомните: добрым я делаю добро и не добрым также делаю добро. Так воспитывается добродетель. Не будем же, братья, нарушать завет Совершенномудрого. Нет! А Цат недостоин смерти. Он останется жить. И это будет высшей карой за его измену. А сейчас помолимся Совершенномудрому и будем уповать на его милосердие. Он не оставит нас, и помощь, за которой я отослал четверых наших братьев, подоспеет вовремя. Да возвысится великая династия Мин и да падет Цинский дом!

* * *

Через два дня к стенам Шаолинского монастыря, прячась за деревьями, подошли четверо монахов, которых настоятель послал за подмогой. Они сумели незаметно проскочить мимо маньчжуров, двигавшихся к монастырю, но риск оказался напрасным. Монахи вернулись ни с чем: «вассалы-князья» отказались прийти на помощь.

Послушники бесшумно проникли во двор через потайную дверь и в ужасе остановились. Страшная картина открылась им: земля была усеяна телами обитателей кумирни – обезглавленными, со вспоротыми животами, отрубленными конечностями. Не менее жуткое зрелище ожидало их в молельне, где лежали изуродованные трупы настоятеля и еще нескольких монахов. В помещении стоял невыносимый смрад.

Послушники быстро вышли оттуда и направились в глубь двора к келье, которую покинули два дня назад.

В этот момент от ограды до них донесся слабый стон. Монахи насторожились. Стон повторился. Все четверо бросились к стене. На земле, весь в крови, лежал один из их братьев, чудом оставшийся в живых.

Его перетащили в келью, отмыли от крови, перевязали. Часа через три раненый пришел в себя и в нескольких словах поведал о событиях той ужасной ночи. Никто не пытался выяснить

⁴ Совершенномудрый – одно из нарицательных имен Конфуция.

подробности. Увиденное говорило само за себя. Один из четверых монахов, по имени Юн Си, – он выглядел старше других и считался вторым после настоятеля человеком в монастыре, – произнес:

– Братья! Из-за подлого предательства нам нанесен тяжелый удар. Нас было больше сотни, а осталось пятеро. Но голос Совершенномудрого говорит мне, что мы не должны оставлять начатое дело. Небо призывает нас вдохнуть жизнь в умирающую «Триаду». Готовы ли вы к этому, братья?

– Да! – в один голос негромко, но твердо ответили монахи.

– Готовы ли вы продолжить нашу священную борьбу против ненавистных маньчжуров?

– Да!

– Готовы ли вы умереть за высшую справедливость?

– Да!

– Тогда слушайте меня, братья. Чистое и белое облако поднимается как доброе предзнаменование. Прежний дом должен быть восстановлен на троне. Мы поклянемся, что уничтожим Цинскую династию. Мы переправимся через великую реку Хуанхэ и восстановим империю Мин! Мы клянемся в этом в год Дракона! И пусть священный Дракон охраняет всегда и везде наше Великое братство!

Юн Си глубоко вздохнул и продолжал:

– Слушайте меня, братья! У меня нет никаких способностей. Единственное, что я имею, – верность долгу. Я поддерживаю династию Мин и готов уничтожить изменников, не зная страха. Моя судьба зависит от Неба. Смотрите на мое честное сердце и слушайте мои слова. Солнце находится на Небе, сердце принадлежит человеку. Сердце должно быть ярким и горячим, как солнце. Горе тому, кто забудет эти слова! Союз Неба, Земли и Человека возродится от крови наших погибших братьев. Мы были слишком доверчивы и милосердны и поплатились за это. Отныне беспощадность – главный закон «Триады». Я призываю Желтого Дракона Цзяо – самого беспощадного из всех Драконов – стать нашим покровителем! Да возвысится великая династия Мин и да падет Цинский дом! Царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков, будьте свидетелями моих слов!

Юн Си вытащил из-за пояса кинжал и поднес его ко рту:

– Молчание – вот второй закон «Триады». Пусть братья отрежут мне язык, если я когда-нибудь нарушу закон молчания.

Он приоткрыл рот и острием кинжала резко провел по кончику языка. Губы монаха окрасились в алый цвет, по подбородку пробежала тоненькая струйка крови. Юн Си был страшен в этот момент – бритоголовый, с раздувающимися ноздрями, с кровью на лице. Он поднял кинжал правой рукой и сделал резкое движение вниз. Лезвие, описав дугу, уперлось в сердце Юн Си.

– Пусть мое сердце пронзит острый металл, если я когда-нибудь предам Великое братство.

Он протянул кинжал к стоявшему рядом монаху:

– Клянись, брат.

Но прежде чем тот приступил к ритуалу, из молельни до них донесся глухой удар – словно что-то тяжелое упало на каменный пол. Послушники замерли. Юн Си взглядом приказал одному из монахов узнать, в чем дело. Тот молча выскользнул из кельи и растворился в темноте. Появился он так же бесшумно, как и исчез.

– А Цат, – шепотом произнес послушник.

– Что он там делает?

– Что-то ищет у алтаря.

Юн Си презрительно усмехнулся:

– Он ищет богатства братьев, которых предал. Значит, маньчжуры ушли. У нас действительно есть кое-что. Но А Цат ничего не найдет: место, где спрятаны сокровища, было известно только святому отцу и мне. А золото еще сослужит нам хорошую службу.

Глаза Юн Си сверкнули недобрым пламенем.

– Совершенномудрый отдает предателя нам в руки. Тем лучше!

Монахи схватились за кинжалы.

– Подождите, – остановил их Юн Си. – А Цат достоин немедленной смерти. Но если мы вонзим в него свои кинжалы – чем мы будем отличаться от обыкновенных убийц? Совершенномудрый учил: кто не соблюдает ритуала – безнравственный человек. Благодаря ритуалу Небо и Земля приходят в согласие. Солнце и Луна ярко светят, а Четыре Времени Года следуют одно за другим. Ритуал должен соблюдаться во всем: в исполнении воли Неба, в почитании Предков, в уважении к Правителю-наставнику, в вознаграждении и наказании. Слушайте, что нужно делать...

* * *

Когда Юн Си кончил говорить, послушники тихо направились к молельне.

* * *

А Цат продолжал свои бесплодные поиски. Он медленно ощупывал пол у алтаря в надежде, что одна из каменных плит покачнется и перед ним откроется тайник.

Расправившись с обитателями Шаолиньского монастыря, маньчжуры целые сутки ждали отряд, который должны были привести на помощь своим собратьям четверо послушников. К вечеру следующего дня они ушли, а А Цату велели дожидаться «смутьянов» и выведать, в каком районе скрываются «вассалы-князья» со своими людьми. А Цат долго бродил вокруг монастыря, не решаясь войти внутрь: ему казалось, что там его поджидает призрак зарубленного настоятеля. Но ему очень хотелось найти золото, о существовании которого он узнал из случайно подслушанного разговора между святым отцом и Юн Си. А Цат дождался наступления вечера и, пересилив страх, отправился в молельню.

– А Цат! – послышался знакомый голос. – Брат!

Услышав слово «брат», испугавшийся было А Цат успокоился. Конечно же четверо монахов ничего не могли знать о событиях той ночи. Жаль только, что он не успел отыскать сокровища. Ну ничего, он выведает у Юн Си, где они спрятаны. А когда к ним добавится вознаграждение, обещанное маньчжурами, он станет богатым человеком, очень богатым.

– Я здесь, Юн Си, – шепотом ответил А Цат и вышел из молельни.

– Здравствуй, брат! – приветствовал его Юн Си.

– Здравствуйте, братья, – ответил А Цат и грустным голосом добавил: – Ужасно видеть, что сделали проклятые маньчжуры со святым отцом и остальными нашими братьями.

Юн Си стиснул зубы и отвернулся.

– Да, – медленно согласился он, – нет предела нашей скорби. Но мы рады видеть живым хотя бы тебя. Ты расскажешь нам о последних часах наших дорогих братьев.

– Увы, брат! Я не был с ними в те страшные минуты и не могу простить себе этого. Лучше бы я умер вместе со всеми.

«Тебе недолго осталось ждать», – без жалости подумал Юн Си.

– После вашего ухода, – продолжал А Цат, – святой отец послал меня в деревню выведать, много ли маньчжуров собирается напасть на монастырь и когда они намерены выступить. Но я не застал их в деревне. Они ушли другой дорогой. Когда я вернулся, все было кончено.

– Разве в монастырь ведет еще какая-нибудь дорога? – спросил Юн Си, внимательно глядя на А Цата.

– Нет-нет, – поспешно возразил А Цат, – они покинули деревню с северной стороны и лесом подошли к тому месту, где дорога начинает подниматься в горы.

– Не впадай в уныние, брат. – Юн Си положил руку на плечо изменника. – «Триада» не умерла. Мы возродили ее и продолжим борьбу. Готов ли ты идти с нами? Не утратила ли тебя смерть наших дорогих братьев?

– Я готов, – ответил А Цат, – мы отомстим за них!

– Тогда не будем терять драгоценное время. Пойдем в мою келью. Примем клятву верности и покинем это ужасное место. Поруганные тела наших братьев взывают к отмщению!

Монахи возвратились в келью Юн Си. Как было условлено ранее, своего раненого товарища они перенесли в соседнее помещение, чтобы А Цат пока не видел его. Сначала ритуал клятвы совершили спутники Юн Си.

– Теперь твоя очередь, брат. – Юн Си повернулся к А Цату.

Тот кивнул. Было видно, как он сильно волнуется.

Дрожь, которая начала охватывать А Цата при первых же словах клятвы монахов, была его все больше.

Двое послушников вышли из кельи.

Юн Си поднес кинжал к губам А Цата. Заплетающимся языком тот произнес нужные слова. Затем лезвие уперлось ему в грудь.

– Пусть сердце мое пронзит... – начал А Цат и осекся. Глаза его расширились. В келью внесли Лу Чжэна, которого А Цат видел лежащим у стены и считал мертвым.

– Да! Пусть твое подлое сердце пронзит острый металл! – вскричал Юн Си и вонзил кинжал в грудь предателя.

А Цат конвульсивно дернул руками, прижав их к сердцу, сделал несколько нетвердых шагов по направлению к двери. Юн Си и остальные монахи молча наблюдали за ним. А Цат покачнулся и рухнул на пол.

– Святой отец был слишком добр, – глухо произнес Юн Си, с ненавистью глядя на бездыханное тело. – Он чтит заветы Совершенномудрого. Но ведь Совершенномудрый не знал, что среди людей будут жить ублюдки с душою крысы.

Он немного помолчал и обратился к присутствующим:

– Братья! Я призываю вас принять клятву крови в знак верности друг другу и нашему священному союзу Неба, Земли и Человека.

Юн Си кинжалом сделал надрез на левой стороне груди, под сердцем. Под капаящую из раны кровь он подставил фарфоровую пиалу, затем протянул ее собратям. Те последовали его примеру. Когда капли крови последнего из монахов упали в сосуд, Юн Си взял его и отпил маленький глоток. Остальные сделали то же самое.

Ритуал был окончен.

– Отныне мы должны хранить в великой тайне все, что связано с нашим Священным братством, – произнес Юн Си. – Я запрещаю без надобности произносить слово «Триада». Прежде чем это слово сорвется с наших уст, они должны быть омыты ароматным чаем. Пусть каждый выберет себе новое имя.

– Брат, – тихо сказал Лу Чжэн, – ты достоин заменить святого отца. Мы вверяем тебе наши судьбы и бразды правления нашим Великим братством.

Юн Си с достоинством поклонился:

– Спасибо, брат.

– Мы просили Желтого Дракона Цзяо быть покровителем «Триады», – продолжал Лу Чжэн, – так пусть же глава нашего священного союза отныне именуется Желтым Драконом.

Пусть он олицетворяет собой беспощадность «Триады» по отношению к ненавистным маньчжурам. – Он повернулся к остальным послушникам. – Согласны ли вы со мной, братья?

Те молча наклонили голову.

– Спасибо вам, братья, – повторил Юн Си и снова поклонился. – Лу Чжэн, в нашей святой обители ты оберегал алтарь и хранил наши священные реликвии. Так пусть же отныне ты будешь Хранителем Алтаря. Ты будешь вершить ритуалы нашего священного союза. Яо Лян, – повернулся Юн Си к монаху, который молча стоял в углу и обмахивался бумажным веером, – всем известно твое умение красиво говорить и в то же время скрывать свои мысли. Ты всегда держишь веер так, что за ним не видно выражения твоего лица. Ты умеешь объяснять заветы Совершенномудрого и толковать изречения наших предков. Так будь же хранителем чистых помыслов нашего священного союза, оберегай наше Великое братство от безнравственности, заблуждений и смуты. И пусть твое имя отныне будет Белый Бумажный Веер.

Яо Лян поклонился.

– Ты, Ван Цзэфу, – продолжал Юн Си, обращаясь к рослому послушнику, который был на голову выше своих собратьев, – будешь карающим мечом «Триады». Возьми в руки меч и жезл, и пусть трепещет перед тобой каждый, кто изменит нашему священному союзу Неба, Земли и Человека. Красный Жезл – так мы будем называть тебя, брат.

– Ты можешь быть спокоен, Желтый Дракон, – с поклоном ответил Ван Цзэфу, – каждого отступника неминуемо постигнет участь А Цата.

– И наконец, ты, Дэн Юань. – Юн Си положил руку на плечо самому молодому из монахов. – Никто не может сравниться с тобой в быстроте. Никто не может проскользнуть так же ловко и бесшумно под носом у врагов, как ты. Ты должен быть нитью, связывающей нас. Ты сделаешь себе сандалии из соломы, чтобы маньчжуры не могли слышать твоих шагов. И имя твое будет – Соломенная Сандалия.

– Приказывай, Желтый Дракон, – с жаром воскликнул молодой послушник, – я готов к борьбе. Да возвысится великая династия Мин и да падет Цинский дом!

– Долой Цин, возвратим Мин! – хором произнесли остальные.

– А теперь – прочь отсюда! – сказал Юн Си. – Святая обитель осквернена нечистой кровью изменника!

Монахи вышли во двор. Могучий Ван Цзэфу нес на плечах раненого Лу Чжэна. Они дошли до молельни, и Юн Си вдруг остановился.

– Брат Белый Бумажный Веер, – сказал он, – нельзя допустить, чтобы священные реликвии «Триады» остались на поругание маньчжурам. Иди в молельню и возьми курильницу, меч, жезл, зеркало, отличающее правду от лжи, и желтый зонтик.

Яо Лян молча направился к дверям молельни.

– И возьми сутану святого отца! – тихо крикнул ему вдогонку Юн Си. – Священная кровь нашего наставника должна вечно напоминать нам о мести.

Он знаком приказал остальным монахам двигаться дальше, а сам, словно кошка, в несколько прыжков достиг монастырского кладбища.

Вскоре послушники собрались у потайной двери. Юн Си держал в руках небольшой деревянный ларец с драгоценностями. Все пятеро выбрались в ивовую рощицу за монастырской стеной и направились в горы.

Часть первая Блаканг-Мати

1

К вечеру восточный муссон разогнал тучи, и шумный тропический дождь, который буйствовал с утра, наконец прекратился. Небо стало чистым. Лишь в западной его части, у самого горизонта, оставались еще сероватые облака. Они напоминали перину, будто специально приготовленную для заходящего солнца. Влажные джунгли заискрились в солнечных лучах, но ненадолго: поднимающийся от земли пар быстро затуманил хрустальные капли, которые покрыли после дождя сочно-зеленую тропическую растительность.

У свежерытой траншеи полукругом сидели на корточках человек пятнадцать рабочих – китайцы, индусы, малайцы – и ели. Ели они молча, с безучастным видом, не поднимая головы, не обращая внимания друг на друга, и громко, смачно чавкали. Китайцы ели рис из маленьких фарфоровых пиал с выцветшим, а точнее, вылизанным золотистым ободком у краев. Приставив пиалы к зубам, они ловко забрасывали палочками темно-коричневый от соевой подливы рис в рот. Малайцы тоже ели рис, но ложками и закусывали его рыбой.

Два индуса сидели чуть в стороне. Они медленно жевали свернутые в трубочки маленькие блинчики из тонкого, почти прозрачного теста – муртабу, – каждый раз обмакивая их в густой, острый и бурый соус кари, налитый прямо на пальмовый лист, который один из индусов держал в руке.

Молодой землекоп, поевший быстрее всех, явно пришел в хорошее расположение духа. Он шумно икнул, с удовольствием потянулся и стал оглядываться по сторонам, выбирая, над кем бы из окружающих подшутить. Наконец взгляд его остановился на худом пожилом рабочем в закатанных до колен рваных штанах и линиялой клетчатой рубашке. На губах у парня заиграла ехидная усмешка. Он повернулся к своему соседу и громко, чтобы все слышали, спросил:

– Дядюшка Цзан, а правду люди говорят, что здесь, на острове, живет дракон Цзяо?

Дядюшка Цзан – старый китаец с выбритой до блеска головой и бельмом на глазу – неторопливо поставил на мокрую землю свою пиалу, положил на нее палочки. Так же неторопливо он утер рукой рот, поковырял пальцем в зубах и наконец изрек:

– Кто ж его знает? Может, и так.

Несколько человек повернулись в их сторону, прислушиваясь.

– Слышишь, Пенг? – Молодой землекоп окликнул мужчину в клетчатой рубашке, который, видимо, не расслышал его вопроса и продолжал сосредоточенно есть. – Дядюшка Цзан говорит, что здесь живет дракон Цзяо.

Тот, кого назвали Пенгом, поднял на говорившего испуганный взгляд:

– О Аллах! Неужто и вправду... Я слышал, рассказывали, да думал, может, врут...

– Точно, точно, – с авторитетным видом подтвердил парень.

– О Аллах! – повторил чуть слышно Пенг.

Он не мог не верить дядюшке Цзану. Дядюшка Цзан много пожил на свете, много знает и уж наверняка не станет врать. Да и Чжу подтверждает. А Чжу – парень грамотный: говорят, даже писать умеет. Известие о том, что где-то неподалеку обитает ужасное чудовище, в одно мгновение лишило Пенга аппетита. Он отставил в сторону пиалу с недоеденным рисом и наполовину обглоданной рыбой. Нет, не нужно было подписывать контракт со строительной компанией и ехать на этот адский остров. Пенгу всегда внушало страх его зловещее название. И

как он мог забыть, что именно здесь живет дракон Цзяо? Ведь он слышит об этом не впервые. Суеверный, боязливый малаец окончательно расстроился.

Находящийся недалеко от Сингапура остров назывался действительно странно – Блаканг-Мати. После окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии здесь жили лишь десятка три рыбаков. Их маленькие бамбуковые хижины, покрытые пальмовыми листьями, мостились у самой стены старого заброшенного форта, построенного еще англичанами. Но вскоре рыбаки перебрались жить в другое место, потому что, по слухам, в неглубоком, но обширном болоте Блаканг-Мати якобы и взаправду существовал «сад смерти».

Про него ходили различные небывлицы, которые со временем обросли жуткими подробностями. Говорили о разгуливающих по острову мертвецах, об их оргиях в полуразвалившейся крепости, о драконе Цзяо, убивающем людей, и тому подобной чепухе. Особенно страшно звучали рассказы о мифическом драконе. Говорили, что это никакая не выдумка, что дракон на самом деле живет на Блаканг-Мати, и даже в деталях описывали его внешний вид. Сообщая подробности, рассказчики обычно клялись в полной достоверности сказанного и ссылались на очевидцев, которых, впрочем, никто никогда не видел.

Досужей болтовне верили и не верили, тем более когда речь заходила о драконе Цзяо: редкая книжка китайских легенд обходилась без упоминания о нем. И все-таки желающих отправиться на остров долгое время не находилось. Рыбачьи джонки и сампаны старались обходить стороной пустынный, окруженный ореолом таинственности клочок земли. Даже предприимчивые сингапурские бизнесмены не спешили осваивать это сомнительной репутации место, хотя все окрестные острова были уже прибраны к рукам.

Но алчность взяла верх над предрассудками. Несколько предпринимателей вознамерились превратить Блаканг-Мати в туристский рай с канатной дорогой, сказочной лагуной для плавания и фешенебельным гольф-клубом для избранных со вступительным взносом в восемь тысяч долларов. Соседство дракона их не пугало. Наоборот, в этих сказках усматривалось что-то пикантное: любителям острых ощущений наверняка понравится остров, о котором шла такая жуткая слава.

Земляные работы начались с рытья траншеи для водопровода, который собирались тянуть на остров из Сингапура. Первые два дня копали медленно из-за нескончаемых камней. На третий день земля стала помягче. Траншея должна была проходить по краю болота. Однако камни, к неудовольствию землекопов, все равно продолжали попадаться...

– Дядюшка Цзан, – Чжу никак не мог угомониться, искоса поглядывая в сторону Пенга, – а какой он – дракон Цзяо?

Чжу слышал эти истории много раз и не верил ни одному слову. Но сейчас появилась такая прекрасная возможность поугадать этого жадюгу и труса Пенга, что Чжу был согласен еще раз послушать, как старый Цзан на своем ужасном и малопонятном наречии – говорили, что его родители приехали из Гуандуна, – будет шамкать всякую ерунду про драконов.

– Цзяо? – переспросил старик, с присвистом и причмокиванием извлекая из разрушенных зубов рисовые зерна. – Цзяо – он желтый. Совсем желтый. Как лимон. Длинный, как фонарный столб. И когда вылезает на берег – ходит на двух ногах. А живет он в воде или в бо лоте.

Остальные рабочие, закончив есть, стали прислушиваться к болтовне Цзана с пугливым любопытством. Чжу повторял каждую фразу специально для Пенга, с удовольствием наблюдая, как того передергивает от страха.

– Голова у него маленькая, а шея тонкая, – лениво продолжал Цзан, уже не впервые рассказывающий такие подробности, – а на боках какие-то красные пятна.

– А на голове у него рога, да? – спросил молодой землекоп, явно предвкушая еще одну устрашающую подробность, от которой – он знал наверняка – у Пенга коленки затрясутся.

– Тот, у кого есть рога, называется драконом Цю, – деловито возразил Цзан, – с крыльями – это дракон Ин, а с чешуей – дракон Цзяо. У Цзяо на голове сидит огромный живой паук. А на шее у него – ожерелье из черепов людей, которых этот паук убивает.

– Слышал? Живой паук! – восторженно воскликнул Чжу, поворачиваясь к Пенгу. – И черепа!

Пенг бросил на Чжу умоляющий взгляд, но парень продолжал:

– И этот паук прыгает с головы дракона прямо на человека.

– О Аллах! – снова выдавил из себя побледневший Пенг.

– Дракон Цзяо выдыхает воздух, и получается облако, – продолжал свое монотонное повествование Цзан, – он может направлять тучи и дождь. Когда сильный ливень – значит, драконы дерутся в небе. Они делят землю между собой, и каждый направляет дождь туда, где он хозяин. Давным-давно, во время династии Хань, был большой дождь, и на дворец императора Хэ Ди упал дракон Цзяо. Он убил много людей. Император убил дракона отравленной стрелой и вскоре после этого умер мучительной смертью.

– Слышал? – Неугомонный Чжу снова повернулся к Пенгу. – Когда сильный дождь – дракон Цзяо падает на землю. Он, наверное, и сейчас упал где-нибудь... неподалеку. Скорее всего, в болото или в крепость. Вот стемнеет – смотри в оба.

Неизвестно, сколько времени Чжу продолжал бы измываться над несчастным, перепуганным Пенгом, если бы с берега не пришел мастер. Он стал кричать на рабочих, брызгая слюной и размахивая руками, – ужин давно закончен, а эти бездельники и не думают братья за лопаты.

Землекопы медленно разбрелись по своим местам и принялись за дело.

Пенг работал в каком-то полузабытьи и каждый раз содрогался, представляя себе паука на голове кошмарного дракона Цзяо. Прочуввав очередную порцию проклятий в адрес строительной компании, он с ожесточением мазнул по взмокшему от пота лицу старенькой, похожей на панаму шляпой с обвисшими краями и снова взялся за кирку. Выковырнув большой булыжник, Пенг с кряхтением выпрямился, потер затекшую поясницу. Затем он поднял глаза на небо и пугливо поежился.

Солнце погружалось в сероватую перину из облаков, зажигая их изнутри оранжевым пламенем заката. Меняя цвет, облака тяжелели и лениво перемещались над изломанной холмами линией горизонта, словно исполняли медленный ритуальный танец. В какой-то момент вся эта бесформенная масса приняла, как показалось Пенгу, очертания дракона и так застыла, зацепившись за нерасчесанную прядь джунглей, которая свисала с одного из холмов.

Уже и без того сильно напуганный, малаец счел увиденное за дурное предзнаменование и подумал, что остров не зря назвали «садом смерти». Он начал читать молитву, уставившись в одну точку и беззвучно шевеля губами.

– Эй, Пенг, ты что, увидел дракона Цзяо? – насмешливо спросил работавший поблизости Чжу. – Смотри, как бы он не утащил тебя в болото.

– Гляди – вон он. – Дрожащим пальцем Пенг указал на небо.

– Кто?

– Да дракон же. – Пенг чуть не плакал.

Парень с наигранным интересом стал вглядываться в облака.

– Да вон же. Не видишь разве? – прошептал Пенг.

– Ну как же! Вон и паук на голове. – Чжу повернулся к другому рабочему, который прислушивался к их разговору, и выразительно крутнул пальцем у виска.

Пенг обиженно поджал губы и вновь принялся копать, умоляя Аллаха уберечь его от опасности.

После захода солнца дракон почернел. Вскоре в наступившей темноте все слилось воедино: холмы, болото, землекопы, монотонно скидывающие лопаты и кирки.

Закашлял движок, на траншею упал мягкий голубоватый свет прожекторов. Часть воды на болоте высветилась, заискрилась, и Пенг, посмотрев туда, вдруг отчетливо вспомнил чьи-то слова о блуждающих огоньках в «саду смерти». Его охватила дрожь. Проклиная все на свете, в том числе и себя за то, что согласился приехать сюда, Пенг со злостью бросил кирку и снова взялся за лопату, чтобы отгрести разрыхленную землю. Потом он стал копать глубже. Там почва оказалась более податливой. Но лопата тут же уперлась во что-то твердое.

«Проклятые камни!» – выругался про себя Пенг и копнул рядом.

Лопата снова без труда вошла в землю. Пенг окопал со всех сторон и подцепил то, что показалось ему камнем. К своему ужасу, малаец увидел человеческий череп.

– «Сад смерти»! «Сад смерти»! – закричал Пенг, швырнув вверх лопату со своей недоброй находкой.

Череп покатился по насыпи к его ногам.

– А-а! Он живой! А-а! – Совсем обезумевший от страха, малаец пустился наутек.

Видимо, после болтовни Цзана не он один чувствовал себя здесь неуютно. Рабочие разом обернулись на крик, настороженные, готовые броситься врассыпную.

– Череп! – вопил Пенг, перескакивая через кочки. – Он живой! «Сад смерти»! Дракон Цзяо!

* * *

Слово «череп», как ни странно, немного успокоило землекопов. В глазах у многих настороженность сменилась любопытством. Чжу, который не верил ни в какие чудеса, подошел к черепу и стал его разглядывать.

– Обыкновенная черепушка, – небрежно-разочарованным тоном объявил он.

Эти слова окончательно разрядили повисшее было над траншеей напряжение.

– Тьфу, дурак! – незлобиво ругнулся дядюшка Цзан и в сердцах вонзил лопату в землю. Но уже в следующий момент раздалось несколько удивленных возгласов:

– Скелет!

– И здесь тоже!

– Еще один!

За несколько минут около болота было обнаружено с десятков скелетов. Некоторые из них лежали в неестественных позах. Рытье траншеи приостановилось, рабочие стали бурно обсуждать увиденное.

На шум прибежал мастер.

– Вы что, костей никогда не видели?! – узнав, в чем дело, накинулся он на землекопов. – Ублюдки недоделанные! Голодранцы несчастные! Только бы не работать! Велика важность – заброшенное кладбище! Марш по местам! За что вам только деньги платят?!

Рабочие неохотно повиновались. Все понимали, что это не обычное кладбище, но спорить с мастером никто не стал: кому хотелось терять приличный заработок?

Пенг стоял метрах в пятидесяти от траншеи. Он был бледен и тяжело дышал. Вид неработающего землекопа окончательно разъярил мастера.

– Протухшая устрица! – заревел он. – Бездельник проклятый! Тебя не касается?!

Пенг нерешительно направился к своему месту.

– Поворачивайся, недоносек поганый! Лентяй!

Работа возобновилась. Копали в угрюмом молчании. Слышался лишь неприятный скрежет лопат по камням да глухие удары кирок.

Вдруг кто-то произнес сдавленным голосом:

– Смотрите!

– Насмотрелись уже, – буркнули в ответ.

Но говоривший, вытянув перед собой дрожащую руку и заикаясь, повторил:

– С-смотрите!

– Да что там еще?

– Это н-не скелет. Там че-человек!

Землекопы застыли.

– Человека закопали! – ахнул Чжу.

Вдоль траншеи прошелестел приглушенный ропот. Рабочие стали опасливо приближаться к указанному месту. Из земли торчали ноги в ботинках и темно-серых брюках.

– И-ы-ы, убийство! – прошептал дядюшка Цзан и испуганно зажмурился.

И сразу же послышались выкрики:

– Мастера сюда!

– Не будем работать!

– Пусть зовут полицию!

У Пенга от страха подкосились ноги, и он бессильно опустился на землю.

– Я знал, – срывающимся голосом забубнил малаец, – я знал, что так случится! Я видел дракона! Аллах! Нужно уходить отсюда! Не то мы все станем покойниками! «Сад смерти»! «Сад смерти»! Спаси нас, Аллах!

– Заткнись! – прикрикнули на него.

Но Пенг продолжал бормотать, не слыша никого и ничего не видя вокруг себя.

Когда подошел мастер, рабочие разом замолчали. Он открыл было рот, чтобы рявкнуть на землекопов, но по их лицам понял: произошло что-то необычное. Рабочие расступились, пропуская его к траншее. Увидев торчащие из земли ноги, мастер резко остановился, не решаясь подойти ближе.

– Зовите полицию, – негромко сказали сзади.

– Без вас знаю, что делать, – огрызнулся мастер.

* * *

На острове появились полицейские из районного участка, потом сотрудники уголовного управления.

Низенький инспектор с недовольным лицом подошел к траншее, посмотрел на торчавшие из земли ноги и кивнул своим людям. Один из них приблизился, вскинул фотоаппарат. Сверкнула магниевая вспышка. Двое других с деловым видом занялись осмотром земли вокруг трупа. Четвертый, с чемоданчиком, – медицинский эксперт, – стоял, ожидая приказаний.

К траншее подошел полицейский в форме сержанта:

– Господин инспектор, мы приехали полчаса назад из районного участка...

– Кто здесь старший? – не обращая внимания на сержанта, крикнул инспектор в ту сторону, где толпились землекопы.

Мастер вышел вперед:

– Я, господин инспектор.

– Откапывайте. – Инспектор показал рукой на труп.

Мастер подозвал двоих рабочих с лопатами, и те нехотя принялись за дело.

– Сколько дней ведутся работы? – спросил инспектор у мастера.

– Третьего дня начали, господин инспектор, – с готовностью ответил тот.

– На ночь рабочие остаются здесь или уезжают?

– Всех увозят, господин инспектор, никто здесь не остается.

– А сторож?

– Да-да, конечно, сторож...

– А говоришь, «никто», – раздраженно произнес инспектор.

Мастер виновато заморгал глазами.

– Где сторож?

– С минуты на минуту должен подъехать. Его на ночь привозят.

– Инспектор! – крикнул один из детективов, внимательно рассматривавший что-то у себя под ногами метрах в двадцати от траншеи. – Здесь тоже земля взрыхлена. Может, второй труп?

– Вы там копали? – обратился инспектор к мастеру.

– Нет, господин инспектор, не копали. По плану траншея правее должна проходить.

– Дьявольщина! Если мы будем находить трупы через каждые несколько метров...

Инспектор не договорил, что произойдет в этом случае, и направился к своему подчиненному. Рабочие двинулись за ним.

– А вам что здесь надо?! – рявкнул инспектор, обернувшись. – Сержант, исполняйте свои обязанности, черт вас возьми!

– Слушаюсь, господин инспектор.

Сержант толкнул в грудь Чжу, который вылез вперед:

– А ну, поворачивай обратно! Быстро, быстро! Нечего здесь глазеть! Нужно будет – позовут. Давайте все отсюда!

Землекопы повиновались с большой неохотой: всех, кроме боязливого Пенга, разбиравло любопытство.

Инспектор осмотрел место, на которое указывал детектив, и крикнул мастеру:

– Давайте еще рабочих!

Чжу рванулся вперед:

– Разрешите мне, господин инспектор?

– Какая мне разница, кто из вас будет копать! Только пошевеливайтесь. Не ночевать же на этом дурацком острове!

Молодой землекоп схватил лопату и вприпрыжку помчался к инспектору. Следом за ним подошел еще один рабочий.

В это время портативная рация инспектора, висевшая у него сбоку на ремне, издала несколько слабых протяжных гудков, и из аппарата послышался ворчливый голос:

– Инспектор, где вы, черт побери?!

Инспектор поспешно отошел в сторону: не хватало еще, чтобы все слышали, как его будут отчитывать.

– Слушаю, шеф.

– Я же приказал связаться со мной с острова. Или мои распоряжения для вас ничего не значат?

– Но, шеф, мы только что приехали.

– Меня совершенно не интересует, когда вы приехали. Что там у вас?

– Обнаружено с десятков скелетов и, кажется, два трупа.

– Не морочьте мне голову. Что значит «кажется»?

– Один труп был раскопан рабочими, а мы нашли еще место, похожее на свежее захоронение. Через несколько минут я свяжусь с вами...

– Еще один труп! – закричал Чжу. – Вон рука показалась!

– Да, здесь два трупа, шеф, – произнес инспектор в аппарат. – Не знаю, может быть, есть еще. Мы не успели все осмотреть.

– Хм... Вот что... Прекратите-ка раскопки.

– Прекратите копать! – крикнул инспектор рабочим и спросил вполголоса: – Почему, шеф?

– Аланг опять заявит, что мы мешаем ему работать. Могильник – дело рук тайных обществ. Я в этом уверен.

– Похоже на то, – согласился инспектор.

– Вот пусть Си-ай-ю и занимается этим кладбищем с самого начала. Это их дело. Оставьте охрану на острове и возвращайтесь. За ночь там ничего не изменится. А утром известим Аланга.

– Хорошо, шеф. Мы уезжаем.

Инспектор вернулся к траншее.

– Сержант, останьтесь со своими людьми здесь. К могильнику никого не подпускать. Расследование начнется завтра.

– У нас закончилось дежурство, господин инспектор, – неуверенно начал тот, – мы...

– Не я же буду караулить этих покойников! – взорвался инспектор. – Связывайтесь со своим участком и просите, чтобы вас сменили.

– А что нам делать? – спросил мастер.

– Вам? Вам пока надо убраться... Оставьте адреса. Понадобятся свидетельские показания – вас найдут. Работы временно прекращаем. Компанию известят, когда их можно будет возобновить.

Инспектор круто повернулся и двинулся к катеру. За ним потянулись остальные.

2

Патрик Ло захлопнул толстый потрепанный фолиант, закурил и откинулся на спинку стула. Закрыв глаза, он попытался представить себе Шаолинский монастырь, резню, устроенную маньчжурами в его стенах, пятерых послушников, принимающих клятву крови, А Цата, ползающего по каменным плитам молельни в поисках сокровищ...

Как-то не верилось, что жутковатые ритуалы «Триады», громоздкие и выспренные имена, придуманные для себя ее основателями, их диковинные одежды могли перекочевать из семнадцатого века в двадцатый. Не верилось, что все это существует не в кино, не в театре, а в жизни. В современных городах с небоскребами, неоновой рекламой, потоками автомашин. Словом, со всеми обязательными атрибутами нынешнего столетия.

Патрик Ло начал работать в «Криминэл интеллидженс юнит», или сокращенно Си-ай-ю, – секретной службе по борьбе с тайными обществами, – лет десять назад рядовым детективом. Тогда ему было двадцать два года. Не в меру застенчивый (со временем это прошло) и симпатичный молодой человек вскоре завоевал расположение шефа Си-ай-ю и, что было гораздо важнее, начальника одного из отделов Теона Аланга, имеющего авторитет и вес в управлении не меньший, чем сам глава «Криминэл интеллидженс юнит». Уже через год Ло получил должность инспектора.

Ло сделал быстрый скачок не только потому, что Аланг стал ему покровительствовать, хотя без содействия последнего не обошлось. Молодой детектив был умен, ловок, решителен, обладал железной хваткой. Собственно говоря, эти качества и были по достоинству оценены Алангом, несмотря на то что Ло работал не в его отделе. С годами к инспектору пришли опыт, рассудительность, терпение, хотя начальникам порой все же приходилось сдерживать горячность своего подчиненного.

* * *

Патрик не злоупотреблял доверием своего начальства. Окружающим нравились его покладистый характер, остроумие. И его повышение все восприняли как нечто само собой разумеющееся, хотя сотрудники Си-ай-ю ревниво относились к продвижению коллег по служебной лестнице.

Несмотря на свой веселый нрав, любовь ко всяческим соблазнам, и особенно к прекрасной половине человечества, этот холостой китаец с некитайским именем к работе относился серьезно. Если он брался за дело, то не успокаивался до тех пор, пока не раскручивал его до конца или не убеждался в полной бесполезности дальнейших поисков. В такие периоды для Патрика не существовало ни женщин, ни отдыха. Группа, которой он руководил, за последние годы провела несколько успешных операций против одного из сингапурских тайных обществ и смогла его ликвидировать.

Когда неделю назад инспектор из отдела Аланга, занимавшийся самым крупным тайным обществом Сингапура – «Триадой», – вышел на пенсию, Аланг не стал долго раздумывать, кем его заменить. Он уговорил шефа Си-ай-ю перевести к нему в отдел Патрика Ло. И это тоже ни у кого не вызвало удивления, потому что все в управлении знали, что Аланга и Ло связывали дружеские отношения.

Тайные общества существовали в странах Юго-Восточной Азии с прошлого столетия, когда сотни тысяч эмигрантов из Китая устремились на чужбину в поисках лучшей жизни. Поначалу эти общества существовали в виде групп взаимопомощи и самозащиты. Их члены называли свои объединения триадами: с одной стороны, из-за приверженности китайцев к традициям предков, с другой – чтобы подчеркнуть, что они преследуют благородные цели, как

и та «Триада», которая на протяжении двух с половиной веков вела борьбу против маньчжурского ига.

Но со временем контроль над этими группами оказывался либо в руках состоятельных эмигрантов, либо проходимцев, и они использовали членов триад в своих корыстных интересах. Триады перерождались, вступали на путь преступного бизнеса. Их основными занятиями становились грабеж, рэкет, контрабанда.

Особенно активной деятельность этих организаций стала после Второй мировой войны. Это заставило правительство принять целый ряд срочных мер, одной из которых и было создание специальной секретной службы.

В первые годы Си-ай-ю успешно справлялась со своей задачей: за несколько лет в тюрьму угодили около семисот главарей и членов преступных организаций. Среди них, между прочим, оказались три известных в стране финансиста. Поначалу делом банкиров занималось Министерство внутренних дел, но, когда вскрылась их связь с тайным обществом «Черный лотос», к расследованию подключилась Си-ай-ю.

К концу шестидесятых годов в Сингапуре оставалось только семь крупных тайных обществ – «Триада», «Союз возрожденной луны», «Общество черных бровей», «Черный лотос», «Летающие драконы», «Братство длинных ножей» и «Кривой меч возмездия».

Наиболее многочисленной и опасной для них была «Триада». В нее входили люди самых разных сословий: от солидных бизнесменов до рикш и бездомных бродяг. Даже полицейские состояли в ней. Этот неприступный синдикат имел четкую, хорошо законспирированную структуру, собственные законы, свой суд, своих палачей для исполнения приговоров. Он соблюдал ритуалы старой «Триады» для поддержания сплоченности среди своих членов. Диапазон его деятельности был широк: от торговли золотом, валютой, наркотиками и «живым товаром» до пиратства в южных морях. «Триада» имела связи с тайными обществами в Гонконге, Макао, Таиланде, на Филиппинах...

Патрик погасил сигарету и вновь принялся внимательно перечитывать досье, которое получил от своего предшественника.

«Солидная организация, – подумал он, просматривая структурную схему «Триады», – не то что эта банда «Черный медведь», с которой мы разделились летом».

Согласно схеме, в «Триаде» насчитывалось пять отделов, которые на языке гангстеров назывались «семьями». Точные названия «семей» были неизвестны, но на сухом полицейском языке они именовались отделами воспитания, защиты, информации, вербовки и связи. Каждую «семью» возглавлял один из вождей «Триады». Что касается основных занятий тайного общества – контрабандной торговли, вымогательства, пиратства, – то этим занимались все «семьи».

Ло перевернул следующую страницу, на которую были занесены клички вождей, степень старшинства, распределение обязанностей. На плотном листе бумаги предшественник инспектора записал крупным и немного корявым почерком:

«Желтый Дракон – глава организации. Пользуется безраздельной властью, хотя, согласно уставу «Триады», все вопросы должны решаться на собрании представителей «семей», которое называется ритуалом. Периодичность ритуалов неизвестна.

Хранитель Алтаря – второй человек в «Триаде». Считается святым отцом тайного общества. Совершает обряды во время ритуалов. Практической власти не имеет, но пользуется значительной частью добычи.

Белый Бумажный Веер – теоретик «Триады», возглавляет отдел воспитания. Пользуется очень большой властью. Имеет тайных осведомителей в других «семьях», благодаря чему хорошо знает настроения членов тайного общества, их взаимоотношения. Регулярно встречается с Желтым Драконом, оказывает влияние на его решения.

Красный Жезл – возглавляет отдел защиты. В его распоряжении боевая группа и морской отряд. Боевая группа расправляется с конкурентными организациями, приводит в исполнение приговоры отступникам. Красный Жезл считается главой охраны Желтого Дракона, хотя у последнего, по некоторым сведениям, имеется дополнительная охрана, состоящая из лиц, неизвестных остальным вождям.

Соломенная Сандалия – самый низший титул из вождей. Возглавляет отдел связи. Его компетенция – осуществлять контакты между вождями и «семьями». Практической власти не имеет.

Отдел информации. Глава неизвестен. Отдел занимается слежкой за конкурентными организациями, выясняет возможности и условия проведения операций. По некоторым сведениям, имеет своих людей в уголовной полиции, районных полицейских участках, чтобы своевременно получать информацию о предпринимаемых против «Триады» мерах. Последний раз сотрудничество полицейских чинов с «Триадой» было зафиксировано в 1977 году.

Отдел вербовки. Глава неизвестен. Отдел занимается вербовкой новых членов. Наибольшую активность в этом плане «Триада» проявляет среди учащихся старших классов и студентов. Значительное внимание уделяется рикшам, мелким уличным торговцам, которые, не являясь официально членами «Триады», используются в качестве осведомителей.

Рядовые члены «Триады» именуются «монахами». Имеют клички, соответствующие профессии.

Общая численность «Триады», включая осведомителей, колеблется в пределах от тысячи до полутора тысяч человек.

Численность «семей» (отделов) – около ста человек».

Дальше в досье содержалась информация о преступлениях и операциях, приписываемых «Триаде». Большинство преступлений остались нераскрытыми. Отмечалось, что за последние два десятилетия полиция не смогла зафиксировать ни одного убийства, которое можно было бы с уверенностью отнести на счет «Триады». А там, где явно чувствовался почерк этого могущественного и неуловимого тайного общества, жертвы пропадали без вести.

Были кое-какие сведения о ритуалах. В них, в частности, отмечался интересный факт: члены «Триады» присутствуют на ритуалах в масках.

Общих сведений о «Триаде» в досье хранилось немало. Однако борьба против этого тайного общества на протяжении всех лет его существования (считалось, что современная «Триада» появилась в результате слияния нескольких организаций в пятидесятых годах) была безуспешной. За последние четыре года лишь три члена «Триады» оказались за решеткой. Двое из них были мелкими рыбешками и ничего интересного рассказать не могли. Третий заговорил. Но буквально на следующий день его нашли мертвым в камере уголовной тюрьмы – своей тюрьмы у Си-ай-ю, к сожалению, не было. Несмотря на тщательное полуторамесячное расследование, убийцу найти не удалось.

* * *

По селектору раздался голос Аланга. Он вызывал к себе инспектора.

Когда Патрик вошел в кабинет шефа, тот сидел за столом и что-то читал.

– Я слушаю вас, Теон, – сказал Патрик, устраиваясь в кресле, стоявшем у письменного стола.

– Минуту, – произнес Аланг, не отрываясь от бумаг.

Наконец он закончил и поднял голову. Это был маленький, щуплый малаец, почти облысевший. Оставшиеся редкие волосы он старательно зачесывал назад.

Незнакомые с Алангом люди могли принять его за переросшего свой возраст клерка какой-нибудь небольшой фирмы, банковского служащего, мелкого дельца. Весь его внешний

вид и манера одеваться – он постоянно носил темные костюмы немодного покроя, такие же немодные ботинки и галстук – никак не выдавали в нем того, кем он являлся на самом деле. Веером разбегавшиеся от узких близоруких глаз морщинки создавали впечатление, что он все время щурится от яркого света, и придавали его лицу выражение беспомощности, незащищенности. А когда он действительно начинал щуриться, напрягая зрение, то на его лице появлялась какая-то примирительная и даже услужливая улыбка. Однако сотрудники отдела хорошо знали, что их шеф щурится не из-за близорукости. Безобидный внешне прищур означал, что Аланг приходит в ярость и через мгновение разразится буря.

И вообще, внешность Аланга, как, впрочем, и большинства его соотечественников, была обманчивой. «Маленький, щуплый малаец», до того как возглавить самый крупный отдел Сиай-ю, на протяжении многих лет был лучшим и наиболее результативным из инспекторов «Криминэл интеллидженс юнит». Он не обладал сколько-нибудь значительной физической силой, но зато в совершенстве владел приемами карате. Славился он и молниеносной реакцией, столь необходимой в рискованных ситуациях, которые щедро предоставляла ему профессия. В бытность рядовым инспектором он попадал в такие переделки, из которых, казалось, невозможно выбраться живым. Но на следующий день Аланг как ни в чем не бывало появлялся в офисе со своим прищуром-улыбкой, вызывая зависть не только новичков, но и выдавших виды коллег.

* * *

Аланг отдавался работе полностью, и у подчиненных складывалось впечатление, будто шеф настолько влюблен в свою профессию, что не может заниматься каким-либо другим делом. Правда, поговаривали, что он стал детективом не по призванию, а из желания еще в молодости отомстить кому-то, что он терпеть не может китайцев, кроме Патрика Ло, и что все его служебное рвение замешано на чистой ненависти не к преступникам вообще, а к преступникам-китайцам. Но все это были только слухи. Даже не слухи, а отголоски слухов, витавших по управлению много лет назад. Обрывки давних-давних разговоров. Но как бы то ни было, даже в последние годы, несмотря на возраст (Алангу недавно исполнилось пятьдесят) и солидный пост, он зачастую сам выезжал на операции. Это не было ни позерством, ни недоверием к подчиненным. Просто он не хотел стареть.

Аланг снял очки в тонкой позолоченной оправе, потер глаза.

– Ну, как проходит ваше заочное знакомство с «Триадой»? – поинтересовался он у инспектора.

– Я предпочел бы личные контакты, – самоуверенно отозвался Патрик.

– Вы неоригинальны, дорогой инспектор, – вздохнул Аланг, – такая же навязчивая идея преследовала всех ваших предшественников. Но увы, господа из «Триады» не очень жаждут познакомиться с нами.

– Я внимательно просмотрел материалы, – сказал Патрик, – никакой конкретной информации, общие сведения...

– Вот вы и позаботитесь о том, чтобы исправить положение! – вспыхнул Аланг. – Вы думаете, что до вас никто ничего не делал? Посмотрим, сможете ли вы пополнить досье хотя бы, как вы выражаетесь, «общими сведениями».

– Я уже пополнил, – небрежно отозвался Патрик. – Правда, тоже ничего конкретного, но все-таки...

– Не выходя из кабинета? – усмехнулся Аланг. – Любопытно. Поделитесь?

– Ну, например, я занес в досье несколько ранее неизвестных кличек вождей: Двойной Цветок, Тонкий Бамбук, Ногти Длинных Пальцев. Смешно. Как могут взрослые люди называть себя такими именами. Двадцатый век, и вдруг – Ногти Длинных Пальцев.

– Просто непривычно для нашего уха, а не смешно. На том они и держатся. Напустили туману, таинственности, чтобы держать рядовых членов банды в страхе и повиновении. Не думаю, чтобы главари воспринимали это серьезно. А откуда вы взяли эти... цветочки?

– Я совершенно случайно увидел у букиниста несколько книжек о тайных обществах в старом Китае. Ну и, конечно, приобрел их: «Записки о хунаньской армии», изданные еще в прошлом веке в Нанкине, еще несколько брошюр – не помню названий. Из них я узнал историю создания тайных обществ. Первая «Триада» появилась в семнадцатом веке. Она боролась против маньчжуров.

– Я что-то слышал о создании «Триады», – сказал Аланг, – какой-то монастырь, монахи, кто-то оказался предателем... Так?

– Да, да, – подтвердил Патрик. – Занятная история. Ничуть не хуже нынешних детективных романов. Хотя это не единственная версия возникновения «Триады».

– Ну ладно, как-нибудь на досуге расскажете. А с чего вы взяли, что сейчас «Триада» пользуется именно этими древними именами? По-моему, вы несколько увлеклись историей.

– Так ведь пять монахов, создавшие «Триаду», и назвали себя Желтым Драконом, Хранителем Алтаря, Белым Бумажным Веером, Красным Жезлом и Соломенной Сандалией.

– Вон оно что! Я и не знал. Любопытно, любопытно. Значит, эти клички существуют почти триста лет? – Аланг мотнул головой. – Вот вам еще один столп, на котором они держатся, – традиционализм. Ведь вы, китайцы, придаете слишком большое значение культу предков. Каждый из вас готов без конца зажигать благовонные палочки своим прабабушкам и прадедушкам вплоть до Конфуция. Это такой консерватизм...

– Не больший, чем обрезание у ваших соплеменников, – сухо перебил шефа Ло.

– О, кажется, назревает межнациональный конфликт. – Аланг весело посмотрел на своего подчиненного и примирительно добавил: – Ну-ну, не обижайтесь, Патрик. К вам и вообще к вашему поколению это не относится. Я имел в виду людей старшего возраста. Нынешняя молодежь стала такой европеизированной и американизированной, что я порой сомневаюсь, действительно ли мы живем в Юго-Восточной Азии. Чего стоят одни только имена: Патрик Ло, Джон Цифэй, Кэтрин Лю...

Увидев, что инспектор протестующе поднимает руку, Аланг поспешно добавил:

– Разумеется, я говорю не только о китайцах. Стэнли Ибн-Салех – тоже не лучшее сочетание. Но мы отвлеклись. Я хочу сказать, что главари «Триады» умело играют на религиозных чувствах своих членов. Впрочем, мы сыщики, и у нас конкретная цель – поймать. Итак, как говорят французы, вернемся к нашим баранам. Какие же посты, по-вашему, занимают Двойной Цветок, Тонкий Бамбук и Ногти Длинных Пальцев? Вернее, какие посты занимали они в старой «Триаде»?

– Эти клички, которые тогда, кстати, назывались титулами, появились позднее первых пяти. Двойной Цветок – скорее не титул, а почетное звание. Первый вождь «Триады» – настоятель Шаолинского монастыря – приютил бездомного ребенка, вырастил и воспитал его. Кстати, этот парень и оказался потом предателем, но дело не в этом. Так вот, впоследствии вожди «Триады» решили, что тот, кто занимает пост Желтого Дракона, должен обязательно брать на воспитание сироту. С одной стороны, это память о первом вожде, с другой – символика. Желтый Дракон в глазах рядовых членов «Триады» должен был выглядеть... как бы поточнее выразиться, гуманистом, что ли. Тонкий Бамбук, если перевести его обязанности на современный язык, возглавляет отдел информации. В старой «Триаде» он выполнял функции лазутчика. А вот Ногти Длинных Пальцев – не знаю. Его функции почему-то не упоминаются.

– Любопытно. Но раз уж мы забрались так глубоко в историю, скажите, Патрик, а в тех книжках ничего не говорится о ритуальных кладбищах «Триады», где хоронили только членов тайного общества?

– Такие кладбища существовали. А почему это вас заинтересовало?

– Сейчас поймете.

Аланг вытащил из сейфа лист бумаги и протянул инспектору:

– Прочтите.

Ло взял документ и пробежал его глазами. Это была сводка, присланная из управления уголовной полиции.

«12 января на острове Блуканг-Мати было обнаружено несколько скелетов и два мужских трупа. Предположительно, там находится могильник неизвестного происхождения. Управление уголовной полиции считает целесообразным передать дело о Блуканг-Мати на расследование в «Криминал интеллидженс юнит», поскольку в данном преступлении, по всей вероятности, замешаны тайные общества».

Ло усмехнулся. Последняя фраза давно уже стала дежурной в сводках уголовного управления и, появляясь не реже двух раз в неделю, приводила Аланга в бешенство. Впрочем, сегодняшняя информация явно заслуживала внимания.

– Суховато, – заметил он, – могли бы дать кое-какие сведения о трупах.

Аланг резко отодвинул от себя бумаги, выскочил из-за стола и начал ходить по кабинету, глядя себе под ноги. Видимо, злость накопилась в нем еще с утра, и теперь наконец он позволил вырваться ей наружу. Он остановился и поднял на инспектора слишком узкие для малайца глаза, к тому же скрытые почти наполовину опухшими от постоянного недосыпания морщинистыми веками.

– Мне только что звонил шеф уголовной полиции. Ему сообщили об этом вчера вечером, и на Блуканг-Мати были отправлены люди. Они ни к чему не притрунулись, однако успели сделать вывод о том, что на острове поработали тайные общества. Решили спихнуть расследование нам, поставили охрану и смотались. Как вам это нравится?

Ло скривил губы, всем своим видом давая понять, что полностью разделяет негодование шефа.

– Вы сказали, что они не притрагивались к могильнику. Тогда почему же они считают, что там было совершено преступление? Если мы действительно наткнулись на ритуальное кладбище «Триады» – а она не могла не унаследовать и эту черту своей предшественницы, – то два трупа – не что иное, как тела умерших членов банды.

– Нет, это похоже на убийство. Тела закопаны без гробов, в обычной одежде.

– Мы не знаем, каков похоронный обряд у «Триады», – стоял на своем Ло.

– Да не в этом дело! – снова взорвался немного приутихший Аланг. – Болваны! Их начальник – эта старая обезьяна с кокосом вместо головы – заявил, что он, видите ли, решил не создавать нам лишних трудностей при расследовании. Не захотели возиться ночью – черт с ними! Но они были обязаны поставить нас в известность немедленно! Немедленно! Мало ли что там могло случиться за ночь!

– Но на острове остался наряд полиции, Теон, – мягко заметил Патрик, – я ни в коей мере не хочу оправдывать их...

– Хоть десять нарядов! – продолжал бушевать Аланг. – Если бы они сами занялись могильником – пусть бы начинали расследование хоть через год! Но ведь они свалили Блуканг-Мати на нас! И уже успели сообщить начальству, что дело передано в Си-ай-ю. Меня уже спрашивали, отправил я людей на остров или нет. Как будто я сам не знаю, что мне делать! Вот взять бы и отказаться к черту!

Аланг открыл рот, намереваясь, видимо, добавить что-то еще, но только махнул рукой и сел за стол.

– Ладно, ну их всех к... дьяволу. Поезжайте на остров, Патрик, и начинайте расследование.

Ло молча кивнул и, захватив со стола шефа сводку, отправился к себе. Из своего кабинета он связался с дежурным по управлению.

- Слушаю, инспектор.
- Через двадцать минут выезд на расследование. Подготовьте группу.
- Слушаюсь.
- Да, вот еще что. Мы едем на Блаканг-Мати – нужен катер.
- Инспектор... – дежурный замялся, – вы знаете, как относятся в береговой полиции к нашим просьбам. Я боюсь, что...
- Ладно, – перебил дежурного Ло, – я сам с ними договорюсь.

Своих водных транспортных средств у Си-ай-ю не было, поэтому каждый раз, когда возникала необходимость, приходилось обращаться в «лягушатник» – так Ло окрестил береговую полицию. Но особого восторга звонки из Си-ай-ю там не вызывали. И на этот раз инспектору пришлось вести долгие и нудные переговоры.

Получив, как всегда, «в порядке одолжения» катер, Патрик позвонил в управление уголовной полиции и попросил приехать на Блаканг-Мати кого-нибудь из тех, кто был там вчера. На другом конце провода ответили, что человек выедет немедленно.

3

Когда катер подчалил к острову, Ло увидел на берегу людей с фотоаппаратами. Рядом, уткнувшись носами в песок, стояли два моторных сампана.

Патрик поморщился. Присутствие репортеров, которые к тому же неизвестно каким образом ухитрились появиться здесь раньше его, разозлило инспектора. Ло не любил газетчиков: они повсюду совали нос и постоянно мешали работать. Единственным, к кому Патрик благоволил, был репортер из уголовной хроники газеты «Наньян шанбао». Они знали друг друга давно, и этот пронырливый парень частенько снабжал инспектора дельной информацией. Патрик платил ему взаимностью, и оба были довольны друг другом.

Между берегом и могильником чинно прохаживались четверо полицейских. Судя по их торжествующе-грозному виду, первую атаку журналистов они отбили и были готовы отразить очередной натиск. Но репортеры, видимо, решили оставить штурм могильника до появления «начальства» и мирно беседовали между собой.

Как только Ло ступил на еще мокрый после ночного прилива песок, корреспонденты, безошибочным чутьем угадав в нем старшего, окружили его. Только репортер из «Наньян шанбао» стоял в стороне, не проявляя активности. Увидев Патрика, он, вероятно, понял, что у него будет самая точная и самая полная информация.

– Что предполагает полиция? – спросил один из газетчиков, сунув маленький сверкающий микрофон чуть ли не в рот Патрику.

– Полиция предполагает, что ей дадут возможность нормально вести расследование и не будут задавать дурацких вопросов, – отрезал инспектор и быстрыми шагами пошел к могильнику.

В траншее лежал наполовину откопанный труп. Чуть поодаль белели кости скелетов.

– Где второй труп? – спросил Патрик человека в штатском, поняв, что это и есть детектив из уголовного управления.

Тот показал на неровный прямоугольник разрыхленной почвы метрах в двадцати от траншеи. Патрик направился туда и увидел торчавшие из-под земли восковые полусогнутые пальцы руки.

– Мы начали здесь копать, – пояснил подошедший следом детектив, – но шеф приказал все оставить до вашего прихода.

– Вы сделали снимки захоронений?

Детектив еле заметно усмехнулся:

– Разумеется.

– А после прекращения раскопок?

– Зачем? Ведь здесь оставалась охрана.

«Аланг правильно назвал кокосом то, что приставлено к плечам начальника уголовной полиции, – подумал Патрик. – И работнички до удивления похожи на своего шефа».

– Снимки вы, конечно, с собой не привезли, – скорее констатировал, чем спросил Патрик.

– Нет, они еще не готовы.

– От кого поступила информация о могильнике?

– Нам позвонили из районного полицейского участка. А им сообщили из строительной компании.

– В котором часу вы покинули остров?

– После девяти. Минут пятнадцать десятого.

– А почему вы не позвонили в Си-ай-ю вчера вечером?

Детектив пожал плечами:

– Спросите у инспектора. Или у нашего шефа. Я же не могу читать мысли начальства.

Патрик принялся осматривать оба места, где находились трупы. Вокруг все было затоптано, поэтому наружный осмотр ничего не дал. Приказав фотографу зафиксировать состояние захоронений, Ло подошел к сержанту, который с безразличным видом стоял у траншеи.

– Ночью не было никаких происшествий?

– Не знаю. Мы сменили предыдущую группу в шесть утра.

– Прикажите вашим людям откопать трупы.

Сержант дал команду, и через несколько минут оба тела были открыты.

– Пусть журналисты сделают снимки и уходят с острова, – сказал Патрик сержанту, – иначе они не дадут нам работать. Мне им сказать пока нечего.

Репортеры по кивку инспектора в их сторону, видимо, поняли, о чем речь, и бросились к могильнику, на ходу взводя затворы фотоаппаратов. Журналист из «Наньян шанбао» закончил фотографировать трупы и первым подошел к Патрику.

– Чья это работа, по-твоему? – спросил он.

– Похоже на ритуальное кладбище «Триады», – отозвался Ло, – но утверждать пока не могу.

– Если появится какая-нибудь информация, не забудь про меня.

– Фэй, по-моему, ты не можешь на меня пожаловаться.

– Нет, что ты! Но ведь ваше начальство страшно не любит, когда материалы расследования просачиваются в газеты. А если речь идет действительно о «Триаде», то оно может полностью закрыть нам доступ.

– Ну, здесь я бессилен, – перебил его Патрик, – и к тому же мои шефы правы. В прошлом году мы упустили гангстеров из «Летающих драконов» только потому, что в газетах появилась лишняя информация. Преступники смогли подсмотреть наши карты.

– Я прекрасно помню этот случай. Ни одна газета не публиковала сенсационных материалов. Писали о человеке, который вывел вас на «Летающих драконов», но, насколько я помню, его фамилия не упоминалась.

– И тем не менее на следующий день этого человека нашли убитым. А мы считали, что он – вне подозрений. Ведь он не имел никакого отношения к банде.

Их разговор прервали остальные журналисты, которые окружили Патрика.

– Инспектор, считаете ли вы, что это работа тайных обществ?

– Не исключено.

– Как скоро вы предполагаете найти преступников?

– Вы очень поможете ускорить поиски, если оставите меня в покое.

– Способна ли полиция пресечь деятельность тайных обществ?

– Обратитесь в Министерство внутренних дел. Там вам ответят.

– Инспектор, что вы думаете по поводу...

– Все! – Патрик рубанул рукой воздух. – Пресс-конференция окончена. Вы упускаете прекрасную возможность своевременно принести в ваши редакции захватывающую новость.

Протиснувшись через окружение репортеров, Ло подошел к первому трупу и невольно присвистнул. Широкий приплюснутый нос и верхняя губа со шрамом были хорошо знакомы инспектору.

– Можете добавить, что один из убитых – глава тайного общества «Черный лотос» Лим Бан Лим! – крикнул он журналистам.

Те рванулись назад.

– А второй? Кто второй?

– Вы делаете мне комплимент, – усмехнулся Ло, приблизившись ко второй яме, – я не могу знать в лицо всех гангстеров и их жертв.

– Что вам известно о Лим Бан Лиме? – загалдели корреспонденты.

– Вам мало того, что я сказал? – разозлился Патрик. Он повернулся к сержанту: – Сержант, помогите нашим друзьям побыстрее вернуться в редакции.

Полицейские стали молча оттеснять репортеров к берегу.

Приехавшие с Патриком детективы и эксперт начали осмотр трупов. Через несколько минут один из детективов подал инспектору синеватый клочок бумаги.

– Это я нашел в пиджаке у Лима, – сказал он, – завалилось за подкладку.

Ло аккуратно разгладил на ладони скомканный, начавший подпревать листок. Буквы уже различались с трудом, но Патрик все же смог разобрать написанное. Он удивленно вскинул брови, сложил бумажку и так же аккуратно сунул ее в конверт. Это был билет на «Тумасик» – небольшое частное полугрузовое-полупассажирское судно на рейс 28 декабря из Бангкока в Сингапур. На вторые сутки после выхода из Бангкока оно попало в сильный шторм. Несмотря на сигналы бедствия, подававшиеся с «Тумасика», спасательные суда не успели прийти к нему на помощь. На борту находилось двенадцать членов экипажа и четырнадцать пассажиров. Ни один из них не спасся.

К месту кораблекрушения выезжали водолазы и дали заключение: в результате неисправности навигационных приборов судно сбилось с курса и, налетев во время шторма на рифы, затонуло.

К Патрику подошел другой детектив:

– Инспектор, на втором убитом чужая одежда. В кармане ничего не обнаружено.

– Хорошо, – сказал Патрик, – пошарьте еще вокруг.

Он закурил сигарету в ожидании предварительного заключения эксперта. «Странно, – думал Патрик, – если это ритуальное кладбище «Триады», то почему здесь оказался труп Лима? Ведь «Черный лотос» не придерживается древних обрядов, и это вряд ли их кладбище. И как вообще Лим мог оказаться на острове, если он плыл на «Тумасике»? Судно-то затонуло почти в ста милях от Блаканг-Мати».

Эксперт собрал в чемоданчик инструменты и стал диктовать секретарю результаты осмотра:

– В обоих случаях смерть наступила от удушья. На шеях обоих трупов просматриваются следы сдавления пальцами, подъязычные кости и хрящи гортаней переломаны.

– Давно наступила смерть? – нетерпеливо спросил Патрик.

Эксперт метнул на инспектора осуждающий взгляд – надо же быть таким невыдержанным! – и снова повернулся к секретарю:

– В первом случае смерть наступила десять – пятнадцать дней тому назад, во втором – от трех до шести.

«Лима задушили около двух недель назад. – Ло прищурился, вспоминая, когда потерпел катастрофу «Тумасик». – Странно, очень странно».

Он достал из кармана блокнот и стал записывать то, что нужно сделать в первую очередь: выяснить, действительно ли Лим находился на борту «Тумасика», заняться землекопами, потому что вторая жертва могла быть задушена в первую ночь после начала работ на острове, установить наблюдение за побережьем и попытаться выяснить, какие плавающие средства подходили или могли подходить к Блаканг-Мати. Патрик вдруг оторвался от записей и задумался. Так вот почему практически ни одно из преступлений «Триады» не было раскрыто до конца! И вот почему ее жертвы пропадали без вести! Тела убитых закапывали здесь, на острове! Вот он, секрет неуловимой «Триады», над разгадкой которого безуспешно бились его предшественники. «Триада» сознательно создавала вокруг себя ореол загадочности и таинственности, специально перетаскивала на остров трупы убитых, хотя это было связано с определенными неудобствами и риском. Так, значит, этот жуткий могильник – не ритуальное кладбище? Или членов «Триады» тоже хоронили здесь?

Патрик убрал блокнот в карман и приказал детективам заняться скелетами. Собственно говоря, инспектора интересовали не сами кости, а ямы, в которых они лежали. В одной из брошюр, купленных у букиниста, он вычитал, что в могилу членам прежней «Триады» клали талисман, указывающий на их принадлежность к тайному обществу. И теперь Ло хотел убедиться, что имеет дело именно с «Триадой».

* * *

Получасовые поиски результата не дали. Ло посмотрел на часы и, обращаясь к детективам, сказал:

– Останетесь здесь. Тщательно осматривайте каждую яму. На остров никого не пускать. Я пришлю нашу охрану. Буду у себя. В случае необходимости – связывайтесь.

Детективы дружно кивнули. Патрик посторонился, пропуская носилки с трупами, которые полицейские понесли к катеру, и двинулся следом.

* * *

– Патрик, как выглядит ваш «сад смерти»? – кокетливо поинтересовалась молоденькая секретарша Аланга, когда Ло проходил мимо.

Инспектор редко упускал случай пофлиртовать со смазливой сотрудницей. Прежде чем зайти к Алангу, он обычно на минуту-другую задерживался в приемной. Нагнувшись к самому уху секретарши и устремляя свой нескромный взгляд в вырез ее кофточки, Патрик почти беззвучно шевелил губами. Девица краснела, бурно выражала свой протест, но по ней было видно, что она оставалась всегда довольна и шуткой, и фривольным поведением инспектора. Время от времени она давала понять Патрику, что для флирта он мог бы подыскать более подходящее место, чем приемная шефа, и что она против этого не возражала бы. Но Ло делал вид, что не улавливает намека.

Сейчас Патрик, полностью поглощенный мыслями о Блуканг-Мати, не был расположен к шуткам.

– «Сад смерти»? – рассеянно переспросил он. – Там растут кокосовые пальмы с черепами вместо плодов.

Не останавливаясь, он прошел в кабинет шефа. Закрывая за собой дверь, Ло услышал, как секретарша обиженно фыркнула.

За три часа Аланг не шелохнулся. Во всяком случае, так показалось Патрику. Он сидел за своим столом все в той же позе, погруженный в чтение бумаг. Инспектор удобно устроился в кресле и закурил. Некурящий Аланг испытывал слабые симпатии к табачному дыму. Но, подозревая, что Ло даже спит с сигаретой во рту, он прощал своему любимцу эту легкую дерзость – курить в его кабинете. Других сотрудников Аланг не баловал.

– Ну, что на острове? – спросил он, подняв наконец голову.

Ло молча положил перед шефом билет на «Тумасик». Аланг посмотрел на билет, затем поднял вопросительный взгляд на Патрика.

– Билет найден в пиджаке мертвого Лим Бан Лима, – пояснил тот.

– Лим на Блуканг-Мати? – задумчиво произнес Аланг. – Любопытно. Что сказал эксперт по поводу его смерти?

– Задушен около двух недель назад.

– Сегодня тринадцатое. Значит, в один из первых дней января.

– Да, новый год для него начался неудачно...

На губах Аланга промелькнуло подобие усмешки.

– А вы не помните, когда были приняты сигналы бедствия с «Тумасика»?

- Помню. В ночь с тридцатого на тридцать первое декабря.
- Любопытно, – повторил Аланг. – Ну а что со вторым?
- Личность неизвестна. Жертва была также задушена, но позже, три – шесть дней назад.

Тело закопано в чужой одежде.

Аланг приподнял очки в позолоченной оправе и потер глаза – его обычный жест. Потом неторопливо покусал нижнюю губу – с одного конца, с другого, посередине.

– Что еще?

– Кажется, мы можем вытащить из архива нераскрытые дела за последние несколько лет. Судя по всему, трупы людей, которых мы считали пропавшими без вести, находятся на острове. В этом могильнике стоит покопаться, и покопаться серьезно. Я оставил двух человек там, но этого мало. Нужно отправлять на Блаканг-Мати целую группу.

– Вы полагаете, что могильник – дело рук «Триады»?

Патрик пожал плечами:

– Скорее всего, так оно и есть. Труп Лима говорит о многом. Кто мог решиться на убийство главаря «Черного лотоса»? Сильнее «Черного лотоса» только «Триада».

– Пока это только ваше предположение – не больше. Нужны веские доказательства.

– Если это – ритуальное кладбище, мы найдем следы. В могилах членов банды должен находиться какой-нибудь талисман. По традиции.

– Хорошо. Людей для дальнейших раскопок я выделю. А вы займитесь Лимом, «Тумасиком» и вторым убитым.

Патрик с сожалением прищелкнул языком:

– Могу сказать одно: если Лим даже и находился на «Тумасике», в чем я сильно сомневаюсь, то нам от этого легче не будет.

– Резонно. Но удостовериться не мешает.

Инспектор тяжело вздохнул:

– Сегодня отправлю фотографию Лима в Бангкок. Может быть, пограничники или таможенники опознают его. Прошло не так много времени.

– Заодно пошлите и фотографию второго трупа. Чем черт не шутит...

– Разумеется.

Аланг взял со стола лист бумаги и протянул Патрику:

– Это рапорт старшего группы полицейских, дежуривших сегодняшней ночью на острове. Его только что доставили из уголовной полиции. Поздно вечером на Блаканг-Мати приезжал какой-то журналист из «Наньян шанбао». Полицейские его не подпустили к могильнику, и он убрался.

– Странно, – сказал Патрик, – я хорошо знаю этого парня. Сегодня утром он был на Блаканг-Мати вместе с другими газетчиками, но ничего не сказал мне о своем вчерашнем визите.

– Странно другое, – задумчиво сказал Аланг, – вы видели сегодняшние газеты?

– Нет. Не успел.

– Я допускаю, что кто-то из полицейских, а скорее всего, кто-то из уголовного управления сообщил в «Наньян шанбао» о находке на острове, чтобы подзаработать лишние двадцать – тридцать долларов...

– Такая новость стоит подороже, – заметил Патрик.

– Это детали. На кой черт нужно было посылать на остров человека, если сегодня газета промолчала. Снимки ему сделать не удалось – не беда. Но редакция упустила сенсацию. Ведь завтра все газеты будут трубить о могильнике. Я не говорю уже о сегодняшних вечерних выпусках.

Ло повернул к себе телефон и набрал номер телефона редакции «Наньян шанбао».

– Соедините меня, пожалуйста, с Фэем из отдела уголовной хроники, – попросил он, когда на другом конце провода ответили.

В трубке что-то щелкнуло, послышались протяжные гудки.

– Алло, Фэй? Говорит Патрик Ло. Нет-нет, старина, ничего нового я тебе сообщить не могу. Наоборот, я хочу получить информацию от тебя. Что? Да, именно. Скажи, ты приезжал вчера вечером на Блуканг-Мати? Нет? А кто-нибудь из вашей редакции был там? Я понимаю, что, кроме тебя, некому заниматься убийствами, но все-таки поспрашивай. Да, я подожду у телефона.

Минуты две длилось молчание.

– Да, я слушаю, – снова заговорил инспектор, – значит, никто не был? Это точно? Нет, я тебе верю. Это все, что я хотел узнать. Да, да, договорились. Спасибо.

Патрик положил трубку и выразительно посмотрел на шефа.

– Может быть, полицейские перепутали название газеты? – вслух подумал он.

– Вряд ли. В рапорте же сказано, что репортер предъявил удостоверение. Впрочем, поговорите со старшим группы. И попробуйте выяснить в других редакциях, приезжал ли кто-то от них на остров или нет.

– Хорошо, – ответил инспектор, – займусь этим сейчас же.

* * *

На следующее утро Аланг и Ло слушали доклад эксперта.

– Начну с первого трупа, – бесцветным голосом произнес тот, – с ним дела обстоят проще...

– Вы нас интригуете, – обронил Аланг.

– Вскрытие подтвердило мое вчерашнее предположение. Жертва задушена десять – двенадцать дней назад. На легочной плевре удушенного...

– Не надо про плевру, – поморщился Аланг, – с детства не люблю анатомию.

Эксперт пожал плечами и перевернул лист в своей папке.

– Второй человек умер от цирроза печени в возрасте около пятидесяти лет. Следы удушения появились уже после смерти.

Он поднял свою маленькую головку, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут эти слова. Но его ожидания не оправдались.

– Любопытно, – только и произнес Аланг, словно не было ничего необычного в том, что преступники симулировали убийство, а не наоборот – естественную смерть.

– Названный вами срок смерти остается прежним? – поинтересовался Ло.

– Не более трех дней, – сухо ответил эксперт, явно разочарованный невозмутимостью собеседников.

– Какой давности следы на шее? – спросил Аланг.

– К сожалению, этого установить не удалось. Случай необычный. Могу добавить, что папиллярные узоры пальцев рук на следах отсутствуют. Видимо, тот, кто сдавливал шею, пользовался перчатками или чем-нибудь еще.

– Скажите, а от цирроза печени умирают внезапно?

– Вы хотите знать, мог ли он умереть на острове?

– Именно.

– Думаю, что нет. Последняя стадия этой болезни протекает тяжело. Больные находятся на постельном режиме.

– На первом трупе не осталось никаких следов борьбы?

– Вы же отказались слушать про плевру, – съязвил эксперт, – и я перешел ко второму труп, упустив остальное. На щиколотках ног и кистях рук убитого остались следы веревки. Судя по ним, этот человек оставался связанным в течение нескольких дней.

– Благодарю вас, – сказал Аланг эксперту и, обернувшись к Патрику, спросил: – У вас есть еще вопросы?

Тот отрицательно покачал головой.

Эксперт собрал свои бумаги и вышел из кабинета.

– Запрашивали в уголовной полиции данные на пропавших без вести за последний месяц? – поинтересовался Аланг у инспектора, когда они остались вдвоем.

– За декабрь пришла очередная сводка. А за двенадцать дней января я запросил.

– Ну и что?

– Десять человек, и все моложе сорока.

– Не очень утешительно. Впрочем, раз он умер естественной смертью, то это должно быть где-то зафиксировано.

– Теон, если считать, что могильник – «фамильное» кладбище «Триады», то этот неизвестный вполне мог быть одним из ее членов.

– Хорошо. Допустим, что мы имеем дело с «Триадой». Предположим, что она похоронила на острове одного из своих людей. К чему этот спектакль с имитацией удушения? На кого он рассчитан?

– Я думаю, на нас, – ответил Патрик.

– Почему вы так думаете?

– Если бы они были уверены, что труп не найдут, они не стали бы ему давить шею в перчатках. Да и вообще они не стали бы имитировать удушение.

– Вы правы. Если бы на Блуканг-Мати не начались работы, могильник не был бы обнаружен. Да и по заключению эксперта этот человек умер три дня назад.

* * *

– Я распорядился, чтобы занялись землекопами.

– Пусть занимаются, но мне кажется, землекопы здесь ни при чем, – задумчиво отозвался Аланг. – Нужно бы поговорить со сторожем, который оставался там на ночь...

– Им тоже займутся.

– Н-да, любопытно, очень любопытно. Ну ладно, – Аланг легонько стукнул рукой по столу, – как вы предполагаете установить личность вашего печеночника?

– Запрошу в клинике сведения на лиц, умерших от цирроза печени в этом месяце, – как нечто само собой разумеющееся произнес инспектор, – ведь он должен был где-то лечиться...

– Хм... – Аланг склонил голову набок и прищурился. – Если у «Триады», как вы уверяете, есть «фамильное» кладбище, то почему бы ей не иметь домашних врачей?

– А, черт, действительно. Я как-то не подумал об этом.

– То-то и оно. Надежда на клиники, конечно, слабая. Но и другого пути я пока не вижу. Селектор издал несколько коротких призывных гудков. Аланг нажал кнопку приема.

– Слушаю.

– Шеф, – раздался голос дежурного, – прошу прощения, инспектор Ло у вас?

– Да. А в чем дело?

– Пришел какой-то полицейский. Он спрашивает инспектора, который был вчера на Блуканг-Мати.

Аланг и Ло переглянулись.

– Направьте его ко мне.

– Да, шеф.

Через несколько минут дверь открылась и на пороге появился полицейский. Он сделал несколько шагов и в нерешительности остановился посреди кабинета.

– Проходи, проходи, – подбодрил его Ло.

Полицейский подошел к столу, остановился, переминаясь.

– Если тебя послали сюда дежурить, то зря, – сказал Патрик, – у нас все спокойно.

Полицейский смотрел на свои руки, не зная, куда их деть. Наконец он нашел им работу – грубые узловатые пальцы начали тереть пуговицы на форменной рубашке.

– Ну, что ты хотел нам сказать? – спросил Аланг, в упор глядя на полицейского.

Тот набрал в легкие побольше воздуха и вместе с ним начал выдыхать слова:

– Я... мы... дежурили на Блуканг-Мати... вчерашней ночью.

Воздух в легких кончился, и полицейский замолчал.

– Продолжай! – повелительно бросил Патрик.

– Нас оставили охранять эти... скелеты. Когда все уехали, приехал какой-то репортер.

Газетчик, другими словами.

– Вы видели рапорт дежуривших той ночью? – спросил Аланг у Патрика.

– Нет. Уголовное управление, вероятно, считает, что нас не стоит обременять излишней информацией.

– Нужно было запросить. – Аланг укоризненно посмотрел на инспектора.

– Сегодня же заеду возьму. Выскочило из головы, – виноватым тоном отозвался тот.

Аланг снова повернулся к полицейскому:

– Рассказывай дальше.

Полицейский поморщил лоб, сбившись с мысли – то ли от робости, то ли по обыкновению.

– Ну вот, – снова ухватил он нить повествования, – репортер этот попросил, чтобы сержант разрешил ему сфотографировать.

– Стоп, – перебил полицейского Ло. – Откуда ты знаешь, что это был журналист?

– Да он удостоверение показывал.

– Тебе?

– Нет, сержанту. Ну вот... хотел он сфотографировать скелеты, а сержант не разрешил. Тот уговаривал, уговаривал, а сержант ни в какую. Ну, он пошел обратно.

– На чем он добирался до острова?

– Да на моторке.

– Он был один?

– Вроде бы один. Я же к берегу не подходил. В темноте, может, и не заметил. Но вроде бы один.

– Хорошо. Дальше.

– Уехал он, а... Да, забыл я – он сигаретами нас угощал. А уж потом уехал. Я про сигареты почему вспомнил? Посидели мы, покурили. А после Джеок сказал, что спать очень хочет.

– Джеок – это кто?

– Тоже полицейский. Друзок мой. Ну вот, а сержант говорит, ложись, мол, без тебя обойдемся. Я даже удивился. Всегда ругается, а тут раздобрился. Потом и Вэй зевать начал – тоже полицейский. Нас всего четверо было. Сержант и нас трое. И я чувствую, спать хочу – сил нет. С чего бы, думаю. Перед дежурством целый день спал. Сержант посмотрел на нас с Вэем и говорит: развевались, днем надо выспаться! А я всегда перед дежурством сплю. Это и жена подтвердит. А сержант говорит: черт с вами, спите. Один, мол, подежурю. И велел на следующий день по десятке принести. А то, мол, нажалуется начальству, что спали мы на дежурстве. Ну, мы принесли, конечно, на следующий день... А то ведь он у нас такой – со свету сживет. Ну вот, легли мы. Джеок уже спал, да и Вэй сразу захрапел. А я сначала – никак. Лежал неудобно, наверное. Потом чувствую сквозь дремоту, вроде голоса какие-то и вроде бы сержант кому-

то говорит: «Спят». А потом ничего не помню. Как провалился. Утром сержант растолкал – темно еще было. Поднялся я – голова разламывается. После спрашивал у Джеока с Вэем – у них тоже весь день трещала. Я-то сначала подумал: болит, и ладно. Думал, приснилось, наверное, что сержантов голос слышал. А потом подозрительно стало: сержант все спрашивал, как спали. Раньше никогда такого не было, чтоб интересовался... Да и с головой как-то странно: в жизни не помню, чтоб она у меня болела. Ну, я и подумал: что-то не так. Пошел в уголовное, а они вот к вам...

– Молодец, что пришел, – похвалил его Аланг, – ты ничего не говорил в участке?

– Не-ет. Хотел было Джеоку с Вэем сказать, а потом подумал: может, чепуха? Засмеют.

До сержанта дойдет – он меня со свету сживет.

– А в уголовном с кем говорил?

– С дежурным. Он-то ничего и не спрашивал. Узнал, что я по поводу Блаканг-Мати, и сказал: иди в Си-ай-ю, они занимаются.

– Как зовут сержанта?

– Ко Ин.

– Давно он работает у вас в участке?

– Да уже лет десять, не меньше.

– А как выглядит этот репортер?

– Я, по правде говоря, не присматривался. Темно было. Да и ни к чему вроде.

– Какими сигаретами он вас угощал?

– Сейчас скажу. – Полицейский снова наморщил лоб. – Коробка такая темно-красная, квадратная и с золотой каемкой. И буквы золотые...

– А внутри две пачки – одна в желтой, другая – в белой фольге, да? – уточнил Патрик.

– Точно, – подхватил полицейский.

– «Данхилл»?

– Да, да, – обрадованно закивал полицейский. – Это Джеок прочитал. Он еще говорил, что сроду не курил таких...

– В котором часу этот репортер появился на острове?

– Точно не помню. Вроде после одиннадцати.

– Ну ладно, иди, – сказал Аланг, – и никому ни слова. Понял?

– Как не понять! – Полицейский направился к двери.

– Постой! – окликнул его Патрик.

Тот обернулся.

– Посиди-ка в приемной.

– Слушаюсь.

– Похоже, не врет, – сказал Патрик, когда полицейский вышел из кабинета.

– Мне тоже так кажется, – отозвался Аланг. – Пришел-то он, конечно, потому, что десятки стало жалко. Сержанту решил насолить. Но это не важно.

– Может, отправим его на экспертизу?

Аланг машинально поднял глаза на календарь:

– Прошло больше суток.

Он нажал кнопку селектора.

– Отдел экспертизы слушает, – раздался голос.

– Сколько времени держится в организме снотворное? – спросил Аланг.

– Это зависит от лекарства. Иногда остаточные явления можно обнаружить и через двое-трое суток.

– Сейчас к вам приведут человека, который утверждает, что принял снотворное позавчера вечером.

– Попытаемся выяснить, шеф.

– Ну, вот вам и первый результат, – отключив селектор, произнес Аланг.

Он не договорил, но Патрик понял, что шеф имел в виду. Преступники воспользовались небрежностью уголовной полиции и постарались уничтожить какую-то важную улику. И загадочный «репортер», судя по всему, имел непосредственное отношение к событиям вчерашней ночи. Как выяснил инспектор, ни одна из редакций не направляла своих людей вечером на остров.

– Теон, а может быть, этого печеночника «Триада» закопала на острове, чтобы лишний раз доказать свое могущество? – высказал предположение инспектор. – Мол, работы ведутся, а им нипочем...

Аланг пожал плечами:

– Ну и что?

– А на следующий день сообразили: мы раскопаем тело, придем к выводу о том, что у «Триады» есть свое кладбище, что это умерший член банды, и начнем заниматься его окружением, знакомствами... Не лучше ли преподнести его как очередную жертву, на которую мы не обратим особого внимания? Их ведь там много. И ночью они решили симулировать убийство...

– Слабоватая версия, хотя взамен ничего другого предложить не могу. А вы думаете, они не могли догадаться, что мы способны отличить убийство от естественной смерти?

– Понадеялись на нашу небрежность. Есть явные следы, указывающие на причину смерти, полиция не станет копаться в потрохах.

– Патрик! – Аланг брезгливо поморщился.

– Извините, Теон.

Аланг поднялся из-за стола:

– Свяжитесь с Блakanг-Мати. Пусть поищут окурки «Данхилла». Это единственное, что пока можно сделать.

– Но у нас теперь есть Ко Ин. – Патрик произнес это нерешительно, в последний момент сообразив, что выход на сержанта – не очень большой успех.

– Ко Ин – мелкая сошка. Если, конечно, полицейскому все это не приснилось.

– А если К° Ина прижать? Устроить очную ставку с полицейским? – Патрику очень хотелось покрепче схватиться за веревочку и начать тянуть ее на себя.

– Открутится, – заверил его Аланг, – скажет, что его тоже усыпили, или все будет отрицать. Улик против него практически нет. Зацепить его мы не сможем, а «Триаду» только настрожим. Нет, за Ко Ином нужно установить наблюдение, не больше. И ждать.

4

После находки на Блаканг-Мати прошло четыре дня. В ходе дальнейших раскопок выяснилось, что на острове находится множество захоронений. Общая площадь могильника была более двух квадратных километров. В предварительном заключении экспертов говорилось, что его никак нельзя отнести к обычным кладбищам. Останки принадлежали людям, убитым в разное время примерно за двадцатипятилетний период.

На следующий день после того, как на острове побывали Ло со своими людьми и журналисты, о Блаканг-Мати заговорили на каждом углу. Газеты поместили на первых полосах фотографии найденных на острове трупов и скелетов, снабдив их набранными крупным шрифтом выразительными заголовками:

«БЛАКАНГ-МАТИ: «САД СМЕРТИ» – ЭТО НЕ МИФ!»
«СМЕРТЬ В БОЛОТАХ БЛАКАНГ-МАТИ!»
«БЛАКАНГ-МАТИ – ОСТРОВ УБИЙСТВ!»

Выдвигались самые различные версии о происхождении могильника. Одни высказывали предположение, что это скелеты жертв японских оккупантов времен Второй мировой войны. Другие считали, что это останки утопленников, тела которых пригнали к берегу волны. Некоторые газеты утверждали, что таинственный синдикат убийц заманивал в Сингапур безработных из других азиатских стран, обещая им тут земной рай. Затем их якобы перевозили на Блаканг-Мати, грабили, убивали, а трупы закапывали в болото. Не обошлось без пересудов о драконе Цзяо. Писали и о тайных обществах. «Нью нэйшн», незадолго до находки на Блаканг-Мати посвятившая сингапурским тайным организациям четыре полосы в четырех воскресных приложениях под заголовком «Эти паразиты общества», писала, что на острове не мог действовать никто, кроме них.

Однако все это были только догадки. Аланг запретил давать газетчикам какие-либо сведения о ходе расследования, и пресса питалась в основном слухами, которые репортеры собирали в городе.

Ло оказался прав, предложив шефу вернуться к нераскрытым убийствам нескольких последних лет. Группа, занявшаяся этими делами, сразу же смогла идентифицировать личности нескольких убитых по скелетам. Разумеется, Аланг не рассчитывал, что работа в этом направлении даст возможность напасть на след «Триады». Но важно было хотя бы установить, что именно «Триада» имеет отношение к могильнику и к убийствам. На четвертый день раскопок подтверждение было получено: в нескольких могилах останки лежали в гробах, там же – бронзовые таблички с изображением бога войны, богатства и литературы Гуань Юя и надписью: «Триада». После этого Аланг решил прекратить дальнейшую идентификацию скелетов, убедив начальство, что это пустая трата времени и она не поможет выйти на «Триаду».

Криминальная полиция Таиланда хранила молчание по поводу фотографий, посланных для опознания, хотя запрос туда пошел с пометкой «Срочно». Сведения об умерших от цирроза печени еще не были получены. Детективы, которым Ло поручил заняться проверкой землекопов, попросили еще два-три дня.

Единственной ниточкой, ведущей к гангстерам, был Ко Ин. Полицейский, который приходил в Си-ай-ю, сказал правду. Это подтвердилось анализом его крови и экспертизой одного окурка «Данхилла», найденного на острове. И в крови, и в окурке были обнаружены остатки сильнодействующего снотворного.

Однако наблюдение за Ко Ином не давало никаких результатов. Поведение сержанта было таким, словно он понятия не имел, что произошло на Блаканг-Мати в ночь с 12 на 13

января. Он аккуратно являлся на службу, по-прежнему кричал на подчиненных, ни с какими подозрительными людьми не встречался, а после работы отправлялся прямо домой.

Оставалось, как сказал Аланг, только ждать. Это бессмысленное ожидание раздражало Патрика. Мысли неизменно возвращались к Блаканг-Мати, к Лиму, к найденному у него в пиджаке билету на затонувшее судно, к имитации удушения неизвестного мужчины, смысла которой Ло никак не мог уловить...

Он сидел у себя в кабинете, отрешенно уставившись в окно, когда вошел референт из шифротдела.

– Инспектор, телеграмма из Бангкока.

– Наконец-то соизволили, – проворчал Патрик, забирая у вошедшего небольшой листок бумаги с грифом «Секретно».

Референт удалился. Ло пробежал текст глазами. Криминальная полиция Таиланда сообщила, что пограничники бангкокского порта опознали по фотографии одного из пассажиров с «Тумасика», Лим Бан Лима. Второй труп опознать не смогли и сообщили, что, по данным иммиграционных властей, на борту не было мужчин в возрасте пятидесяти лет. К последнему замечанию Патрик отнесся скептически, потому что знал: иммиграционные власти не заносят в свои бумаги сведения о возрасте пассажиров. Это утверждение было сделано, скорее всего, по памяти.

«Выходит, на судне до кораблекрушения столкнулись интересы «Триады» и «Черного лотоса»? – подумал инспектор. – Если, конечно, таиландские пограничники не ошиблись и Лим действительно плыл на «Тумасике». Но как он оказался на Блаканг-Мати? Видимо, «Триада» на своих катерах совершила нападение на судно. В таком случае должны были бы остаться следы этой стычки...»

Патрик вышел из-за письменного стола и устроился в кресле у журнального столика. Он всегда садился на это место, когда собирался что-нибудь хорошенько обдумать.

«Да! Лим находился на борту «Тумасика». Возможно, «Триада» каким-то образом проникла на судно, с ним расправилась. Первое было фактом, второе – версией. Факт родил версию, а она, не прожив и нескольких минут, умерла. Точнее, утонула вместе с «Тумасиком». И попробуй теперь вытащить со дна хотя бы кончик...»

Размышления инспектора прервал появившийся в дверях Аланг.

– Патрик, добрый день, – весело сказал он с порога. – Вы считаете, что два дня не появляться в кабинете шефа – в порядке вещей?

– Здравствуйте, Теон, – смущенно ответил Патрик, – извините, но мне не с чем было идти к вам. Единственная новость – телеграмма из Бангкока. Ее мне только что принесли. С Ко Ином – ничего нового. С «репортером» он не встречался. Проверка землекопов тоже пока ничего не дала.

Аланг вошел в кабинет, бросил свой атташе-кейс на кресло и, засунув руки в карманы, остановился перед инспектором.

– Могли бы для приличия зайти справиться о здоровье начальника. Многие считают это немаловажным для своей карьеры. Вы не боитесь попасть в немилость?

Патрик отрицательно pokrutil головой.

– Ну и правильно. Что нового сообщает Бангкок?

– Пограничники опознали Лима.

– Хм, значит, он все-таки попал на Блаканг-Мати с «Тумасика». А что со вторым?

– Ничего.

– Ну и что вы собираетесь сейчас делать? – любопытно спросил Аланг.

– Хочу посидеть подумать. Что-то не сходится в этом треугольнике: «Тумасик» – Лим – Блаканг-Мати. Непонятно, как Лим очутился на острове, в ста милях от катастрофы.

– Вряд ли что-нибудь высидите. – Аланг снова взял свой атташе-кейс. – Маловато информации. Не нужно понапрасну ломать себе голову. Тем более в субботу.

– Действительно, сегодня суббота, – удивился Патрик.

– Поздравляю с открытием, – усмехнулся Аланг. – Надеюсь, вы не забыли, что приглашены к нам на ужин?

Патрик поднял на Аланга виноватый взгляд.

– Забыл, – откровенно признался он.

– Ну, знаете ли, вашему легкомыслию нет предела! Во-первых, вас приглашает к себе домой не кто-нибудь, а начальник. Понимаете? Начальник. Во-вторых, моя жена принимает столь живое участие в вашей судьбе, а вы... Я просто не нахожу слов.

– А при чем здесь госпожа Лау? – Патрик непонимающе уставился на шефа.

– Я догадываюсь, что сегодня вы увидите очередную кандидатуру в спутницы жизни, – невинным тоном сообщил Аланг.

– А-а, вот вы о чем, – улыбнулся Ло. – Я ведь постоянно твержу госпоже Лау, что не собираюсь жениться. Но она не принимает мои слова всерьез.

– Патрик, будьте к ней снисходительны. У Лау никогда не было своих детей, и она привязалась к вам, почти как к сыну.

Аланг хотел добавить, что и сам питает слабость к своему подчиненному, но удержался. «Становлюсь сентиментальным, – отметил он про себя. – Значит, старею».

– Так вы едете со мной или остаетесь?

– Еду.

– Вот и хорошо. Подумаем над вашей загадкой вместе, пока не придет... пока не приедут гости.

Инспектор снова улыбнулся и спрятал бумаги в сейф.

* * *

Аланг жил в большом шестнадцатиэтажном доме на окраине Сингапура. Он приобрел здесь трехкомнатную квартиру в рассрочку у частной строительной компании в надежде избежать шума и суеты центра. Аланг стремился проводить в тишине свободное время, которого у него оставалось не так уж много. Но власти задумали решить проблему перенаселения китайских кварталов города при помощи бульдозеров, а сметливые бизнесмены наплодили на окраинах десятки уныло-однообразных коробок для новых поселенцев. Аланг и его соседи оказались в пожизненном окружении различных клерков, приказчиков, мелких лавочников и их постоянно увеличивающегося потомства. Орды сопливых, чумазных и нерасчесанных шалопаяв с воем и гиканьем носились по всей округе, вызывая бессильный гнев обитателей «приличного» дома. Целыми днями слышались противный скрип колес передвижных харчевен и гортанные выкрики продавцов китайского супа. Новые постройки с общими коридорами-балконами шокировали старожилов разноцветным бельем, которое хозяйки сушили на длинных бамбуковых шестах, торчавших прямо из окон.

Когда Аланг возвращался домой, у него портилось настроение. Он уже давно подумывал о том, чтобы продать свою квартиру и осесть где-нибудь в более тихом месте. Но покупателей не находилось. Людей его круга не привлекал столь буйный квартал.

– У меня складывается впечатление, что китайцы не мыслят своей жизни без этих идиотских бамбуковых шестов, – ворчливо заметил Аланг своему спутнику, разгребая руками очередную ватагу чумазных китайчонков, выросшую неизвестно откуда на их пути, – как будто нельзя найти другого способа сушить свои тряпки. Скажите, Патрик, из вашего окна тоже торчит это дивное украшение?

– А вы еще не приобрели себе кровать с набалдашниками? – парировал инспектор, мгновенно вспомнив, что во многих малайских семьях традиционно ценится уставленная ненужными украшениями большая деревянная кровать с пологом на четырех столбиках, на которой обычно не спят, а приобретают ее лишь для показа гостям.

Аланг покосился в сторону своего подчиненного:

– Нет, Патрик, вы просто невыносимы.

Лифт доставил их на десятый этаж, и Аланг остановился у дверей своей квартиры, отыскивая в общей увесистой связке нужный ключ.

В прихожую вышла жена Аланга – полная женщина лет пятидесяти. Она была одета в прямую темно-красную юбку по щиколотки – саронг и желтую баджу кебая – плотно прилегающую, открытую спереди блузу без воротника, застегнутую на несколько красных пластмассовых брошей.

– Патрик, я так рада вас видеть! – воскликнула она. – Вы не заходили к нам целую вечность! Ну что же вы стоите у порога? Проходите, проходите же. Здравствуйте! Вы прекрасно выглядите. Ничего не скажешь, молодость!

– Добрый вечер, госпожа Лау, – едва успел заполнить секундную паузу Ло, складывая по-малайски руки перед грудью.

Но женщина уже его не слушала. Она обрушила поток слов на мужа:

– Теон, как тебе не стыдно? Ты вечно загружаешь Патрика по горло работой! Нельзя же так, в самом деле! Все равно вам не переловить этих бандитов! А Патрику пора подумать о том, как устроить личную жизнь. Ему же не восемнадцать лет!

– Почему же? – поинтересовался Ло.

– Что «почему»? – не поняла госпожа Лау.

– Почему вы считаете, что мы не сможем справиться с тайными обществами?

Госпожа Лау иронически усмехнулась:

– А сами вы не понимаете? Если этого не смогли сделать ваши предшественники, то почему вы считаете, что окажетесь удачливее их? Ваши тайные общества пустили такие корни, что вам в жизни до них не добраться. Да и потом, у них денег больше, чем у вас.

– Теон, возьмите госпожу Лау к себе в консультантки. Кажется, с ней у вас дела пойдут быстрее. Во всяком случае, от ненужных шагов она нас уберезит.

– Лау, с каких это пор ты стала интересоваться такими вещами? – удивленно поднял брови Аланг.

– Я и сейчас ими не интересуюсь. Просто это общеизвестно: вы за слово платите доллар, а они за молчание – пятьдесят. Я предпочла бы пятьдесят.

– Послушай, Лау, что ты говоришь! – всерьез рассердился Аланг. – Откуда ты все это взяла?

– Из газет, – невозмутимо ответила женщина. – Они только и делают, что пишут об этом ужасном могильнике и о том, что полиция бессильна что-либо сделать. Послушай, Теон, может быть, ты пригласишь Патрика в гостиную! Прихожая – это не приемная твоего кабинета, где люди могут дожидаться аудиенции часами!

– Тебе не кажется, что сегодня ты настроена слишком агрессивно? Опять подорожали продукты?

– С чего ты взял?

– Мы все-таки женаты не первый год. Я давно привык чувствовать себя виноватым, когда цены растут...

– Ну, это тебя ожидает буквально завтра.

– Тогда почему ты нападаешь на меня сегодня?

– Я? Тебе показалось. Со своими гангстерами ты скоро будешь страдать манией преследования. – Госпожа Лау снова повернулась к инспектору: – Проходите в гостиную, Патрик.

Вы знаете, я приготовила блюдо, которое называется «плавающий лотос». Не знаю, удалось ли оно... Но уверена, что вы не только никогда не пробовали его, но даже не знаете, что это такое.

– Не знаю, – смеясь, ответил Патрик. – А что это такое?

– Вот этого я вам не скажу. Попробуйте потом догадаться. Извините, мне еще нужно сделать кое-что. Теон, развлеки гостя.

С этими словами женщина быстро скрылась в дверях кухни.

– Ну, как прикажете вас развлекать... гость? – полюбопытствовал Аланг.

– Ума не приложу, – сочувственно произнес Патрик. – Если только хорошая сигарета...

Или вы не разрешаете курить в вашей квартире даже гостям?

– Гостям, – Аланг сделал на этом слове ударение, – разрешаю. Но, Аллах свидетель, Патрик, как вы однообразны! Скажу Лау, чтобы она больше вас не приглашала. Отправляйтесь в мой кабинет. Он надежно изолирован от спальни. Я, знаете ли, очень не люблю вставать по утрам с головной болью. Надеюсь, вас не будет шокировать мое появление в домашней одежде?

– Ни в коей мере.

– В таком случае через несколько минут я – к вашим услугам.

Патрик прошел в небольшую комнату, которая называлась кабинетом только потому, что здесь стоял секретер: Аланг работал исключительно в офисе. Усевшись на диван, он достал сигареты, щелкнул зажигалкой. По комнате поплыло серовато-синее облачко дыма. Появился Аланг в темно-сером саронге и голубой клетчатой рубашке без воротника. Он подошел к окну и включил кондиционер. Потом уселся в кресло напротив инспектора.

– Интересно, что это еще за «плавающий лотос»? – спросил он. – Лау всегда что-нибудь выдумает. Но запах весьма аппетитный.

– «Плавающий лотос» – это нарезанные кусочками крабы и цыплята в соусе из каштанов и с бульоном из молодых побегов бамбука, – невинным голосом сообщил инспектор.

Аланг посмотрел на своего подчиненного с нескрываемым восхищением:

– Патрик, в вас пропадает талант актера.

– Почему бы не сделать человеку приятное?

– Но откуда вам известны такие кулинарные подробности?

– Это китайское блюдо. А я как-никак китаец. К тому же я вынужден готовить себе сам.

– Но не такие деликатесы...

– Вы полагаете? А когда ко мне приходят в гости красивые женщины – прикажете их кормить консервами?

– И много красивых женщин к вам ходит? – поинтересовался Аланг, прищурившись.

– Увы, не очень. Одна из моих черт – относительное постоянство. К тому же мне жалко их бросать. И я жду, когда это сделают они.

– Долго приходится ждать?

– Не меньше года, – со вздохом отозвался Патрик.

Они помолчали.

– Так вы успели что-нибудь сообразить насчет Лима? – спросил Аланг. – Вы что-то упорно молчали в машине.

– Да.

– И к какому же выводу вы пришли?

– Мне совершенно непонятно, с какой целью люди из «Триады» побывали на «Тумасике».

– Прекрасное начало, – усмехнулся Аланг.

– Сначала я предположил, что «Триада» хотела просто расправиться с главарем конкурентной организации. Но если они знали, что Лим находится на «Тумасике», то наверняка следили за ним еще в Бангкоке. Почему они в таком случае не пристукнули его там? Или здесь,

после его возвращения? Стоило ли из-за одного Лима появляться на судне? И зачем они пригласили его на остров?

– Но почему вы считаете, что они следили за Лимом? Давайте предположим другое: «Триада» совершает очередное нападение на первое попавшееся судно в открытом море. На борту случайно оказывается Лим, к которому она, по известным причинам, особых симпатий не питает...

– В том-то все и дело, что нападения не было, – перебил шефа Ло. – На судне все осталось цело. Они ничего не тронули. На «Тумасике», вероятно, столкнулись интересы «Триады» и «Черного лотоса». Но нападения...

– А откуда вам это все известно?

– Я сегодня звонил в береговую полицию. Они по-прежнему считают, что судно затонуло, попав на рифы.

– Вот как? Любопытно.

– Они ничего не тронули, и это странно. Не похоже на «Триаду». Она своего не упустит.

– Да, на море они обычно действуют нагло, – согласился Аланг. – Да и только ли на море? Непонятно, почему они поскромничали на этот раз? А может быть, они пронюхали, что Лим вез какую-нибудь крупную контрабанду, и решили перехватить ее поближе к Сингапуру? Отправили нескольких человек под видом пассажиров, а те ночью прихватили Лима, его груз и смотались на корабельной шлюпке. А где-нибудь неподалеку их могли ждать катера.

– Определенная логика есть, – согласился Ло, – но, по-моему, они не склонны так все усложнять. Нападение – самый простой и верный путь. Не такие они люди, чтобы стесняться. Хотя береговую полицию я запрошу – осталась ли на месте корабельная шлюпка.

– В береговую полицию вам стоит сходить самому, – сказал Аланг, – Нужно покопаться в документах, поговорить с людьми, которые осматривали судно. Может быть, поначалу они на что-то не обратили внимания... Но с этой стороны мы вряд ли подберемся к «Триаде». Судно затонуло, и ищи теперь свидетелей. Второй труп, Ко Ин, «репортер», побывавший ночью на Блаканг-Мати, – вот путь, по которому нужно двигаться.

В прихожей раздался звонок. Аланг поднялся:

– Быстро в гостиную. А то Лау будет дуться на меня целый вечер. Кстати, дочь наших знакомых – очаровательное создание...

– Вы, кажется, начинаете проникаться идеей вашей супруги? – с иронией покосился на шефа Ло.

– Нет, я просто констатирую факт. Могу добавить, что Джун прекрасно играет в бридж.

– Что же вы раньше молчали, Теон! – всплеснул руками Патрик. – Это в корне меняет дело.

Оба захохотали.

Когда они вышли в гостиную, там уже находилась пожилая чета и – Патрик про себя отметил, что Аланг был действительно прав, – «очаровательное создание», которое похлопало своими пушистыми ресницами и устремило на Патрика взор, полный непосредственного любопытства.

– Впервые вижу так близко живого детектива, – кокетливо ответила девушка на приветствие Ло.

Патрик собирался было парировать насмешку, но вмешался Аланг.

– А как же я, Джун, дорогая? – шутливо-обиженным тоном произнес он. – Разве я не воплощение всех лучших качеств супермена-сыщика из американских боевиков? Разве тебя не пугает мой острый, изощренный ум, проницательный взгляд и не восхищает моя атлетическая фигура?

При этом Аланг прищурил глаза и комично поиграл своим щедедушным телом. Все рассмеялись, а Джун громче всех, и гостиная словно наполнилась мелодичным звоном рождественских колокольчиков.

– Ну конечно же, дядя Теон, – произнесла девушка сквозь смех, – сам Джеймс Бонд проиграл бы по всем пунктам, встань он рядом с вами. Но для меня вы – только добрый дядя Теон. А детектив – это нечто сумрачное, неразговорчивое, неостроумное...

Джун покосилась на Патрика.

– Ограниченное, – подсказал он.

– Не совсем, – возразила Джун.

– Благодарю за комплимент, – галантно раскланялся Ло.

– Не стоит. Люблю говорить людям приятные вещи.

– Да, это сразу чувствуется, – усмехнулся Ло.

– Джун! – укоризненно воскликнула ее мать.

– А что я особенного сказала? – удивилась Джун. – Ты боишься, что мистер Ло обидится и раздумает на мне жениться?

– О, Джун! Что ты говоришь? Как только у тебя поворачивается язык!

– А разве вы решили познакомить нас не для этого? – Джун снова повернулась к Патрику: – Что вам было сказано относительно сегодняшнего вечера?

– Что сегодня должна состояться наша помолвка, – невозмутимо откликнулся Патрик.

– Аллах! – воскликнула госпожа Лау, хватаясь за голову. – Что они говорят!

Она поспешно ретировалась на кухню, а за ней и мать Джун, увлекая за руку своего супруга.

– Послушайте, как вам не стыдно? – принялся укорять Джун и Патрика Аланг. – Вы испортили весь сегодняшний вечер.

– Ничего подобного, дядя Теон, – весело отозвалась Джун. – Вечер пройдет прекрасно, я вас уверяю. Правда, мистер инспектор?

– Не знаю, не знаю. Боюсь, что вытащить ваших родителей и госпожу Лау из кухни вы сможете лишь в том случае, если назовете точную дату нашей свадьбы. Они-то наверняка уверены, что я смертельно обижен и что вся их затея провалилась.

Аланг махнул рукой и вышел из гостиной. Джун виновато посмотрела на Патрика:

– Вы, пожалуйста, извините... Я-то думала, что это шутка. Вернее, я знала, что мать... Я не придавала этому значения...

– О нет, – сказал Патрик, – детектив – это нечто неостроумное, а потому шуток не понимает. Я иду на кухню, сообщаю, что вы принесли мне свои извинения, что я их принял и что помолвку можно начинать.

Ло сделал движение по направлению к двери.

– Патрик, я прошу вас, – остановила его Джун, – моя мать воспримет все серьезно.

– Так я не шучу, – засмеялся Ло, – я согласен на вас жениться.

– А я не собираюсь выходить за вас замуж, – сердито отрезала Джун.

– Честно говоря, я уже передумал, – вздохнул Патрик. – Жена без чувства юмора при неостроумном муже – что может быть тоскливее. Но я полагаю, что наша несостоявшаяся помолвка – не повод для того, чтобы отказываться от «плавающего лотоса». Я чертовски проголодался, пока пытался устроить свою личную жизнь. А вы?

– Я тоже.

– В таком случае отправляйтесь на кухню и скажите им, что вам удалось кое-как замять назревавший расовый конфликт, что вы будете вести себя примерно и что вообще прекратите всяческие выпады против всех ваших будущих женихов. Идите быстрее, а то «плавающий лотос» совсем остынет. А это, имейте в виду, мое самое любимое блюдо.

– Почему я должна иметь это в виду?

– Потому что... Потому что помолвка еще может состояться. Не сегодня – так в следующий раз. Ну, идите на кухню. А я пошел звать Аланга.

5

Ло взял со стола список мужчин, умерших от цирроза печени в этом месяце. Данные поступили из всех государственных клиник, где имелись терапевтические отделения, и из четырех частных больниц. Вооружившись карандашом, Патрик начал отмечать в списке тех, кто подходил по возрасту. Таких оказалось пятеро. Ло вытащил из сейфа фотографию трупа, взял газету за 14 января, переписал в свой блокнот адреса клиник, где лечились эти пятеро, и вышел из кабинета.

В машине Патрик назвал шоферу первый из адресов. «Плимут» плавно тронулся с места.

Покрутившись немного на узких улочках центральной части города, шофер свернул на широкую и прямую, как стрела, Букит-Тимах-Роуд и прибавил газу. Ло решил немного отвлечься от мыслей и стал бездумно глазеть в окно.

У одного из перекрестков машина уперлась в красный свет. К ней уже подбежал мальчонка лет двенадцати с пачкой свежих газет.

– Господин, купите газету! – затараторил он. – Новые подробности о «саде смерти»! Рассказ рыбака, который видел преступников.

– Везет же людям, – позавидовал Патрик.

Он протянул мальчику несколько мелких монет и взял газету. Заметка была небольшой. Заголовок явно превосходил ее по размерам. Какой-то старик рыбак рассказал корреспонденту «Берита хариан», что несколько дней назад видел на берегу четырех человек, показавшихся ему подозрительными. Они якобы погрузили на моторный сампан большой сверток и направились в сторону Блаканг-Мати. Часа через два он снова видел этих людей на берегу, но уже без свертка. Автор заметки назвал все предыдущие версии собратьев по перу «идиотским бредом» и без излишней скромности объявил, что он почти докопался до тайны «сада смерти». Свой короткий опус журналист увенчал туманно-многозначительной фразой, суть которой сводилась к тому, что в полиции сидят одни кретины и что, если бы они были столь же расторопны, как он, преступники уже давно оказались бы за решеткой.

Мысленно обругав газетчика самовлюбленным болваном, Ло снова пробежал заметку глазами. Пожалуй, старик действительно что-то видел. Но кто-то из них явно напутал – то ли он, то ли этот не в меру шустрый репортер. Судя по рассказу полицейского, которого усыпили на острове, преступники могли что-то увезти с Блаканг-Мати, а не наоборот. Не исключено, что это и была партия крупной контрабанды, которую, по предположению Аланга, «Триада» перехватила у Лима.

– Приехали, инспектор, – отвлек Патрика от размышлений шофер.

В госпитале Ло быстро нашел нужный ему кабинет и постучался.

– Входите, – раздался голос.

Патрик открыл дверь. За столом сидел мужчина средних лет и что-то писал. Не поднимая головы, он указал рукой на кресло для пациентов.

– Я из полиции, доктор, – сказал Патрик.

– И... чем я могу быть вам полезен?

– Если не ошибаюсь, вы специалист по внутренним болезням?

– Проще говоря, терапевт. Но какое это имеет отношение к полиции?

– Непосредственно никакого. Просто я хотел выяснить, не лечился ли у вас этот человек.

Инспектор вытащил из кармана фотографию второго трупа и протянул собеседнику. Тот взглянул на снимок.

– Что-то не припоминаю. Хотя лицо знакомое... Подождите, да ведь этот снимок был опубликован в газетах несколько дней тому назад! Блаканг-Мати, да?

Ло кивнул.

– Почему он должен был у меня лечиться? Чем он болел?

– Цирроз печени. Он умер десять дней назад в возрасте около пятидесяти лет. Я не утверждаю, что он должен был лечиться у вас. Просто я хотел бы это выяснить.

– Пойдите, пойдите... У меня был один пациент, страдающий циррозом печени, примерно такого возраста, – сказал врач, внимательно рассматривая фотографию, – и умер он совсем недавно. Ну да, конечно, это он! Как это я сразу не узнал? Мне и в газете его лицо показалось знакомым, но я не придавал этому значения. Думал – ошибся. Позвольте, но как он мог оказаться на этом ужасном острове? Газеты писали, что это жертва преступников... Чепуха какая-то. Никакая он не жертва, он умер сам. Или... я его путаю с кем-нибудь другим? – Врач вопросительно посмотрел на инспектора, потом снова на фотографию. – Да нет же, это он. Черты лица несколько изменились, поэтому он и показался мне незнакомым. – Он снова поднял голову. – Я... не понимаю...

– Я – пока тоже, – отозвался Ло.

– Вы хотите получить об этом человеке какие-нибудь сведения?

– А вы можете сказать что-то?

Врач замялся:

– Пожалуй, нет. Он был у меня на приеме два или три раза. Уже при первом осмотре исход болезни не вызывал сомнений.

– Может быть, он что-то рассказывал о себе? Больные ведь любят делиться с врачами подробностями из своей личной жизни.

Врач задумался на несколько секунд.

– Нет, он был молчун. Мне с трудом удавалось вытягивать из него сведения о болезни. С ним приходила какая-то женщина. Наверное, экономка.

– А почему вы решили, что это была экономка? Почему не жена?

– Видите ли, между ними существовала какая-то разница во внешнем виде. Он был одет весьма прилично, носил на руке дорогой перстень. А на ней была одежда попроще. Ведь обычно супруги одеваются одинаково. Поэтому у меня и мелькнула мысль, что это не жена.

– Где я смогу узнать его адрес? – спросил Патрик, поднимаясь.

– Картотека на первом этаже.

– Благодарю вас, доктор. Надеюсь, что разговор останется между нами. До свидания.

– Конечно, конечно, – ответил тот, вставая со стула. – Всего хорошего. Рад был оказать услугу.

«Что-то уж слишком быстро я разыскал этого печеночника, – подумал Патрик, когда машина затормозила у обшарпанного трехэтажного дома на Беррим-Роуд, – так бывает только в плохих детективных фильмах». Глядя на невзрачное строение, Ло отметил, что получил от врача любопытную информацию относительно внешнего вида Самсуна Карима – так звали умершего – и сопровождавшей его женщины. Судя по всему, это был богатый человек – иначе он не стал бы лечиться в такой дорогой клинике, где одно только посещение врача стоит около ста сорока долларов. Странно, что он обитал в таком убогом жилище.

Приказав шоферу встать за углом, Патрик поднялся на второй этаж и позвонил. Дверь слегка приоткрылась, и в небольшую щелку выглянуло лицо пожилой женщины. Глаза ее смотрели испуганно и недоверчиво.

– Простите, господин Карим здесь живет? – вежливо осведомился инспектор.

Женщина не спешила с ответом, оценивающе разглядывая Ло.

– Вы кто?

– Я сын его давнишнего приятеля, – соврал Патрик. – Мы сейчас живем в Малайзии. Господин Карим и отец не виделись уже много лет. Я здесь проездом, и отец попросил меня справиться о здоровье господина Карима.

Женщина продолжала смотреть на инспектора, словно что-то взвешивая. Затем распахнула дверь ипустила его в прихожую.

– Умер Самсун, – тихо произнесла она и отвернулась, вынимая платок из кармана, – восьмого числа умер. Все случилось так неожиданно... так быстро.

«Неожиданно от цирроза не умирают», – вспомнил Патрик свой разговор с экспертом на следующий день после находки на Блаканг-Мати.

– Извините меня. Я, право, не знал... Вы, наверное, его жена?

Ло попытался изобразить на лице смущение, но почувствовал, что делает это неудачно. Однако женщина ничего не заметила. Она всхлипнула и продолжила усиленно тереть глаза.

– Да, я его жена...

– Может, мне зайти в следующий раз? – спросил Патрик и сразу же подстраховался: – Правда, я должен завтра уехать и не смогу ничего рассказать отцу...

– Нет-нет, пожалуйста, оставайтесь. Проходите в комнату. Я рада, что хоть кто-то спрашивает о моем бедном муже. Ведь у него никогда не было друзей... Всю жизнь мы прожили в одиночестве, и сейчас... после его смерти мне особенно тоскливо.

Ло вошел в комнату. Показная деревянная кровать с бумажными цветами и какими-то побрякушками стояла у окна. Рядом примостился низкий комод с застекленными дверцами. На нем лежала кухонная утварь, несколько тарелок – видимо, комод одновременно служил и обеденным столом. У противоположной стены в углу валялись тюфяки, покрытые недорогим выцветшим ковриком. Рядом стояла корзинка с чистым бельем. Патрик вдруг ясно представил себе массивный, со сверкающим камнем перстень Карима, о котором упомянул врач. Перстень находился в явном несоответствии с более чем скромной обстановкой квартиры. На стене висела фотография мужчины в траурной рамке. Это был человек, чей труп обнаружили на Блаканг-Мати.

– Садитесь, господин... э-э-э... – произнесла вошедшая следом вдова Карима.

– Ло. Патрик Ло.

– Может быть, вы хотите есть, господин Ло? Вы, наверное, с дороги?

– Нет, благодарю вас, – отказался Патрик, – я недавно поел.

Он сел на стул у комода – другого места в комнате не нашлось.

Женщина молча смотрела на него, не зная, что сказать.

– Вы давно живете в Малайзии? – спросила она наконец.

– Лет двадцать, – отозвался Патрик.

Госпожа Карим села на тюфяки.

– Расскажите мне, пожалуйста, о вашем отце, – попросила она, – как приятно знать, что у Самсуна нашелся хоть один друг.

«Значит, начнем с меня, – подумал Патрик, – что ж, не возражаю».

Он начал с ходу сочинять историю о несуществующем отце и одновременно пытался построить в уме какую-то версию.

«Естественная смерть Карима полностью исключает предположение о том, что он – жертва преступников. Значит, остается одно: он – член «Триады» и похоронен на ее ритуальном кладбище. Знала ли его жена о том, что он состоял в банде, или нет? Играет? Не похоже. А собственно, почему она должна играть? В любом случае смерть мужа для нее – тяжелая утрата. Допустим, она знает, кем был Карим. Тогда она не должна поверить в мою выдумку. Сын приятеля, о котором она слышит впервые. Наивно. Но с чего я взял, что она поверила? Она меня спрашивает об отце, чтобы потянуть время, собраться с мыслями. Но в общем она ведет себя вполне естественно. На полицию ей, в сущности, наплевать. Карим умер, жена за дела мужа не в ответе. Друзей у него, как она заявила, нет. Своевременно прикрыла себя с этой стороны. Если мы начнем требовать назвать сообщников мужа, она снова скажет, что никого не знает. А может, она и вправду никого не знает. А если я поинтересуюсь местом его захоронения?»

Покажу ей фотографию, которую она наверняка уже видела в газетах? Как она прореагирует на это? Ведь должна же она знать, где он похоронен? Или ее реакция будет такой же, как в свое время у мадам Вонг?»

Ло вспомнил тридцатилетней давности историю, которую слышал от Аланга. Некто Вонг Кунгкит, бывший чиновник чанкайшистского правительства, занимавшийся после Второй мировой войны пиратством в южных морях, в конце 1946 года был выдан полиции и смертельно ранен при попытке к бегству. Дело Кунгкита продолжила его жена, бывшая танцовщица, известная впоследствии под именем мадам Вонг. Прежде чем стать королевой пиратов, она через несколько дней после гибели мужа имела короткую беседу с двумя его сообщниками. Те явились к ней с предложением заняться более подходящим для женщины ремеслом и отдать в их распоряжение все оставшиеся после Кунгкита деньги. Мадам лаконично доказала друзьям покойного мужа, что они не правы, всадив в каждого по пуле из двух револьверов.

Ло усмехнулся, представив себе эту пожилую женщину с револьвером в руке. Но инспектора крайне интересовало, что ответит она на вопрос о могиле мужа. А может, они подстраховались и насыпали могильный холмик на каком-нибудь кладбище? Тогда она скажет, что ей ничего не известно. Придется добывать разрешение на вскрытие могилы, добиваться ее согласия...

Патрик деликатно перевел разговор на Карима. Женщина снова запричитала.

– Отец остался бы недоволен, если бы я уехал, не побывав на могиле господина Карима, – произнес инспектор, внимательно глядя на собеседницу. – Он рассказывал так много хорошего о вашем муже. Я просто обязан почтить его память.

– Да-да, конечно. Вам непременно нужно сходить на кладбище, – ответила вдова Карима, смахивая слезу.

– А где похоронен ваш муж? – быстро спросил Патрик.

– Кладбище недалеко отсюда. На Вонгчин-Роуд.

«Любопытно, – отметил Патрик, – впечатление такое, будто она сама верит в то, что говорит. Значит, они все-таки подстраховались. Но не может же человек быть похороненным одновременно в двух местах! А если она ничего не знала о второй жизни Карима? Да она не могла не присутствовать на его похоронах. А может быть, «Триада» тайком выкопала труп и перевезла его на Блаканг-Мати? Неужели они придают такое огромное значение ритуалу? А почему бы нет? Аланг прав: в этом и состоит их сила. Кстати, если даже она знает все о Кариме, вскрытие могилы ничего не даст. Она изумится, может быть, даже бухнется в обморок, а потом скажет, что ничего не знает. Нет, лучше бы она действительно ничего не знала о муже. В этом случае больше шансов нащупать ниточку, ведущую к его друзьям. Уж что-нибудь интересное она наверняка вспомнила бы».

– Если хотите, я провожу вас на кладбище. Я хожу туда каждый день. – Вдова Карима со скорбью посмотрела на фотографию мужа: – Бедный Самсун! На твою могилу некому даже прийти, кроме меня. Ты наверняка рад будешь сыну своего друга.

– А на похоронах господина Карима было много народу? – поинтересовался Ло.

– Дома – несколько человек. Да и тех, признаться, я наняла. Нехорошо, когда за гробом некому идти. А на кладбище – не знаю. Может, и много... Обычно мусульманские похороны собирают столько любопытных.

«Вот в чем дело, – подумал инспектор, – она не была на кладбище. Теперь кое-что начинает проясняться...»

– А почему вы не пошли на кладбище? – поинтересовался он.

– Коран запрещает женщинам участвовать в похоронной процессии, – объяснила она.

– Вот оно что, – протянул Патрик, – я этого не знал. А родных у него не было?

– Только брат. Но они с Самсуном не ладили, хоть и были близнецами. Последние годы они совсем не виделись, потому что его брат переехал в Малайзию, там разбогател.

Все встало на свои места. Значит, на Блаканг-Мати было найдено тело не Карима, а его брата. И бедная женщина говорила сущую правду о своем муже. Но вслед за этой мыслью в голове Патрика тут же мелькнула другая: не слишком ли странное совпадение – оба брата умирают в одно и то же время от одинаковой, к тому же не очень распространенной болезни. Он хотел задать хозяйке еще один вопрос, но не успел. В прихожей раздался звонок. В глазах вдовы мелькнуло беспокойство.

– Кто бы это мог быть? – произнесла она удивленно. – Извините, я пойду открою.

«Действительно, кто мог пожаловать к ней в гости? – насторожился инспектор. – Ведь она сказала, что у них не было друзей. А похоже, что это запланированный визит. Звонок-то ее смутил».

Ло машинально прикоснулся к левому боку, где обычно носил под пиджаком пистолет, но с сожалением вспомнил, что оставил его в офисе. Он никак не ожидал, что сегодняшние поиски дадут такой результат.

Патрик быстро огляделся, поднялся со стула и встал сбоку от дверей, готовый к любой неожиданности. Из прихожей послышался сдавленный шепот. Через несколько секунд в комнату снова вошла хозяйка, а за ней мужчина в сонгкоке.⁵

В первый момент Патрик остолбенел. В комнату вошел мужчина, чей портрет в траурной рамке висел на стене. Тот самый, с Блаканг-Мати! Если бы вдова Карима не сказала, что у ее мужа есть близнец, Ло подумал бы, что у него просто галлюцинация. Он бросил еще один взгляд на фотографию, потом опять посмотрел на человека в сонгкоке. Сходство было поразительным!

– Познакомьтесь, господин Ло, это брат моего мужа. – Голос вдовы звучал неуверенно. – А это, – обратилась она к деверю, – сын старого друга Самсуна. Они с отцом живут в Малайзии.

Брат Карима вдруг побледнел и тяжело опустился на стул.

– Я так и знал, – еле выдавил он из себя. – Я так и знал, что этим кончится... Я это чувствовал. Не нужно нам было связываться! Это все ты...

– Что ты мелешь?! – зло перебила его вдова. – Что подумает наш гость? Он расскажет отцу, что в семье его друга все сумасшедшие! – Она повернулась к инспектору: – Не обращайтесь внимания, господин Ло. Раззак очень тяжело переживает смерть своего брата. Так тяжело, что порой заговаривается. Я просто не знаю, что с ним делать. Раззак, господин Ло – сын старого друга Самсуна. Он, как и ты, живет в Малайзии. Я не понимаю...

Мужчина затряс головой:

– У меня... У меня никогда не было друзей в Малайзии. Этот господин... он, наверное, из полиции.

– У вас?! – невольно вырвалось у Патрика. – Вы сказали – у вас?

Сидевший умоляюще посмотрел на инспектора.

– Клянусь Аллахом, мы не виноваты, – начал он быстро говорить, сбиваясь и путаясь, – мы не совершали никакого преступления. Если бы вы могли... Если бы он... Он тяжело заболел и умер. Если бы он не умер, он, конечно, бы... Но он умер. А какая ему разница, что будет написано на его могиле? Мы уже все решили, когда он умер. А когда он был жив, мы и не думали. Клянусь Аллахом, господин полицейский...

– Вы не ошиблись, я действительно из полиции, – сухо перебил его Ло. – А теперь успокойтесь и расскажите все членораздельно.

– Откуда мы знаем, что вы из полиции?! – почти выкрикнула хозяйка, враждебно глядя на Патрика.

Ло, усмехнувшись, вытащил из кармана удостоверение.

– Из вас вышла бы неплохая актриса, госпожа Карим.

⁵ Сонгкок – черная бархатная шапочка, которую носят малайцы.

– Вам тоже нужно было быть артистом! – огрызнулась та. – «Сын старого друга»! Ха-ха-ха!

Она нервно засмеялась. Инспектор посмотрел на мужчину:

– Я вас слушаю.

– Это все она придумала, – забормотал мужчина, совершенно подавленный. – Она! Я говорил: не надо. А она слушать ничего не хотела! Я предупреждал: Аллах нас покарает...

– Ничтожество, – процедила сквозь зубы госпожа Карим и, воздев глаза кверху, добавила: – Да простит меня Аллах.

– У вас будет время выяснить отношения, – заметил Патрик. – Нельзя ли поближе к делу?

– Я... Мы... – начал мужчина.

– Оставь, – раздраженно бросила госпожа Карим, – я сама все расскажу. Ты не способен даже на это!

Она повернулась к Патрику. Ее лицо было искажено злостью.

– Это мой муж – Самсун Карим. – Она почти с отвращением произнесла имя сидевшего на стуле мужчины. – Его брат Раззак лет десять назад уехал в Малайзию и там сколотил приличный капитал. У него недавно умерла жена, и он приехал к нам. Я сразу поняла, что он долго не протянет. У него обнаружили цирроз печени. Как-то Самсун заикнулся о наследстве, но Раззак ответил, что почти все оставляет какой-то бедной родственнице жены. Он ее и в глаза-то никогда не видел, но все время твердил, что такова воля его супруги. Нужно совсем потерять стыд, чтобы забыть о своем родном брате и оставить деньги неизвестно кому. Когда он умер, у меня возникла прекрасная мысль, как сохранить деньги. Вот мы и решили... Они были очень похожи... даже я с трудом их различала. Как вам объяснить... Мы поменяли документы: Самсун умер, Раззак остался жить. Он жил один, и никто бы ничего не заметил. Да и сейчас все прошло бы нормально, если бы не эта... не этот недоумок! Да простит меня Аллах! Преступления мы никакого не совершали, разве не так? Единственное, в чем нас могут обвинить, – это в присвоении чужих документов. Что же, уплатим штраф... Но наследство мы все-таки забережем... Мы подадим в суд... Где это видано, чтобы оставлять наследство неизвестно кому...

Она бросила презрительный взгляд на мужа, который буквально съезжился на своем стуле.

– Кретин несчастный! Зачем только я связалась с тобой? – И опять опасно посмотрела вверх. – Да простит меня Аллах!

– Действительно, – согласился Ло, – вы отделаетесь штрафом... если, конечно, все так, как вы говорите...

– Других грехов за нами не водится! – язвительно произнесла жена Карима.

– Это мы увидим. Я пришел к вам совсем по другому делу.

Карим с женой удивленно переглянулись. Патрик вытащил из кармана газету с фотографиями трупов на Блаканг-Мати.

– Вы видели эту газету?

– Мы не интересуемся политикой, – подняла ладонь хозяйка.

– Ваше дело, – пожал плечами Ло. – Но как вы объясните мне это?

Супруги прочитали заголовок, взглянули на фотографии.

– О Аллах! – Госпожа Карим побледнела. – Раззак на Блаканг-Мати! «Сад смерти»! О Аллах! Но как... А-а! – Она судорожно глотнула воздух, покачнулась и рухнула на пол.

Карим засуетился в поисках воды.

«Играет», – подумал Патрик. Но побледневшее лицо женщины с резко очерченными, изогнувшимися в судороге синими губами явственно говорило о том, что ей действительно стало дурно.

Минут через пять Кариму с помощью Ло удалось привести свою жену в чувство. Вдвоем они усадили ее на тюфяки. Карим бесстрастно призывал на помощь Аллаха и подвывал. Женщина смотрела на Патрика мутным, бессмысленным взглядом и еле-еле шевелила губами.

– «Сад смерти»... – глухо бормотала она. – Нечистая сила... О Аллах! Магомет наказывает нас! За что? За что? Мы не гневили его... Мы только поменяли... документы...

Постепенно глаза ее стали проясняться. Инспектор перехватил ее взгляд. В нем читался неподдельный страх. Женщина тяжело дышала.

– Клянусь Аллахом, господин полицейский, мы здесь ни при чем. Мы ничего не знали! Ничего не знали! Аллах свидетель... Он умер сам. И мы похоронили его как честного мусульманина. Я... я не знаю, как он оказался на этом проклятом... О Аллах!

Она зарыдала.

– Да, да, – наконец вмешался Карим, – мы похоронили его как полагается. На нашем кладбище. Имам может подтвердить. Да и соседи. Аллах свидетель, господин полицейский.

Карим еще раз опасливо взглянул на газету, лежавшую на комод.

– «Очередные жертвы преступников», – шепотом прочитал он подпись под фотографиями.

Его подбородок задрожал.

– Нет, нет, нет! – выкрикнул он фальцетом. – Нет! Мы не преступники! Мы не преступники! Мы не убивали его! Он умер сам! Умер сам! И мы похоронили его! Все могут подтвердить! Все! Господин полицейский, вы верите нам?! Верите?

Глядя на перепуганные лица супругов, Ло вспомнил о заметке, которую прочитал по дороге в сегодняшней газете. Значит, старик рыбак не ошибся: тело Раззака было похищено и ночью перевезено на Блаканг-Мати. Это и был большой сверток, о котором упомянул журналист. Похоже, что Карим и его жена на этот раз говорили правду. Но с какой целью труп Раззака был переправлен на остров? Может быть, Раззак все-таки имел какое-то отношение к «Триаде»?

– Когда состоялись похороны? – спросил Патрик.

– В прошлую среду, – быстро ответила жена Карима.

– Двенадцатого? – на всякий случай уточнил инспектор.

– Да, господин полицейский, двенадцатого, – подтвердил Карим.

– Вот как, – задумчиво произнес Патрик.

Значит, тело Раззака появилось на Блаканг-Мати уже после того, как рабочие обнаружили могильник! Затем и были усыплены дежурившие ночью на острове полицейские: преступникам нужно было закопать там труп Раззака! Но опять же – зачем? Ло вдруг вспомнил сводку из уголовного управления. В ней речь шла о двух трупах, но в то время тела Раззака еще не могло быть на острове! Это была такая бессмыслица, что Патрик даже не стал пытаться понять, в чем здесь дело. Он достал из кармана портативный радиопередатчик, который, в отличие от пистолета, никогда не вынимал из пиджака, и нажал кнопку.

– Слушаю, инспектор, – раздался из аппарата голос шофера.

– Поднимись в тридцать первый блок.

– Хорошо.

Карим и его жена молча смотрели на Патрика. Выражение их лиц было таким, словно перед ними стоял не Ло, а Раззак, снова проделавший загадочное путешествие, но теперь уже с Блаканг-Мати до их дома. В прихожей послышалось треньканье звонка.

– Откройте, – сказал Патрик Кариму.

Тот бросился в прихожую.

– Останешься здесь, – дал инспектор распоряжение шоферу, – дождешься наших людей, я сейчас свяжусь с ними. Машину я заберу.

– Слушаюсь, инспектор.

Шофер повернулся к Кариму и коротко приказал:

– Сядь на топчан.

Тот, будто завороченный, опустился рядом с женой. Ло направился к двери.

– Господин поли... господин инспектор, – робко окликнула его жена Карима.
– Мы все выясним, – бросил Патрик на ходу. Он сел в машину и связался по рации с офисом.

– Пятый слушает.

– Говорит пятнадцатый. Вышлите кого-нибудь на Беррима-Роуд, четырнадцать, блок тридцать один.

Патрик коротко изложил суть дела, затем добавил:

– Позвоните в уголовное управление. Думаю, что этим адресом придется заниматься все-таки им. И свяжитесь с Блаканг-Мати. Нужно еще раз как следует осмотреть дальнюю яму.

– На что сориентировать?

– Следы третьего трупа. Доложите шефу.

– Слушаюсь.

Ло отключил рацию и повернул ключ зажигания. Он решил поговорить с ночным сторожем на кладбище. Тот мог что-нибудь заметить, может быть, обрисовать внешний вид преступников.

Подъехав к мусульманскому кладбищу, инспектор оставил машину у ворот, вошел внутрь. У старенькой, давно не крашенной мечети, вокруг имама, стояли несколько мужчин в траурных саронгах. Осведомившись, где можно найти сторожа, Ло двинулся в глубь территории.

Метров через пятьдесят он увидел небольшую хижину. Даже не хижину – просто две деревянные стены, образующие угол, и лист фанеры сверху. На низком топчане, поджав под себя ноги, сидел и раскачивался из стороны в сторону старик, похожий на засохшее дерево. Только когда Ло сказал старику, что он из полиции, тот перестал раскачиваться.

– Ты не заметил ничего подозрительного в ночь с двенадцатого на тринадцатое? – спросил инспектор.

Старик медленно собрал на лбу морщины.

– На той неделе, когда хоронили пожилого малайца, – решил помочь старику Патрик и тут же сообразил, что сказал несурязицу: вероятно, на малайском кладбище пожилых малайцев хоронили не так уж редко. – Самсун Карим его звали.

Ло подумал, что старик наверняка должен интересоваться именами тех, кого хоронят. Хотя бы из чистого любопытства. Он не ошибся.

– Да, да, – радостно закивал сторож, – хоронили такого, туан.

– А вечером после похорон никто не приходил на кладбище?

Старик долго молчал, очевидно перебирая в памяти события того дня.

– Приходили, туан, – изрек наконец он, – двое приходили. Китайцы. Я еще удивился: что, думаю, на мусульманском кладбище китайцам делать? А они могилу чью-то искали. Знакомый, говорят. Но, правда, хорошие люди. Сигаретой угостили. Дорогая сигарета...

Старик зачмокал толстыми полинявшими губами, словно пытаясь вспомнить вкус хорошего табака.

– Друга своего искали. Умер у них друг. Тут вроде бы похоронен. Расспрашивали.

– О чем же расспрашивали? – поинтересовался Ло.

Две кости, из которых состояли плечи старика, поднялись, потом опустились.

– О разном. Спрашивали, кого вчера хоронили, кого – сегодня. Много ли народу на похоронах бывает. Глубоко ли мусульмане покойников закапывают. Интересно, говорят, нам, китайцам, про мусульман узнать... Потом ушли...

– И больше не возвращались?

Старик снова стал раскачиваться, как маятник: вправо-влево, вправо-влево.

– Не знаю, туан. Заснул.

– Как же ты? – усмехнулся Патрик. – Ночной сторож – и вдруг...

- Да и сам не знаю, туан. Уж очень спать хотелось.
- Старый стал. Совсем старый...
- А утром у тебя болела голова?
- Правда, – удивился старик, – откуда туан знает?
- Как они выглядели, эти китайцы? – не отвечая старику, спросил инспектор.
- Китайцы как китайцы, – развел тот руками.

Выслушав такой исчерпывающий ответ, Патрик повернулся и пошел к выходу. Судя по словам старика, люди из «Триады» пришли на кладбище, еще не зная, чье тело они смогут забрать отсюда... Выходит, Карим и его жена действительно не имеют отношения к загадочным перемещениям трупа Раззак? Да и сам Раззак здесь ни при чем...

«Ладно, – подумал инспектор, садясь в лимузин, – с подменой документов разберется уголовная полиция. Подмена трупов на острове – это будет посложнее».

Инспектор неторопливо поехал в офис, пытаясь нащупать логику в действиях преступников. Но логики не было. Убрать мертвого свидетеля – вещь не такая уж страшная, хотя в общем-то редкая. Но положить на это место труп другого человека?.. С таким случаем Патрик сталкивался впервые. Он перебирал в уме различные варианты, но не мог найти достаточно разумного объяснения случившемуся. Не подлежало сомнению единственное: для риска, на который пошли преступники, имелись, видимо, серьезные причины.

6

Приехав в офис, Ло поинтересовался у дежурного, нет ли известий с Блаканг-Мати. Известий не было. Инспектор прошел к себе в кабинет.

Настроение у него испортилось еще в машине. В его руках практически был один из преступников – Ко Ин. Но вместо того, чтобы арестовать его, хорошенько потрясти и заставить рассказать, чей труп был выкраден с Блаканг-Мати и зачем на его место подброшен другой, Ло сидел в кресле и мучительно соображал, с какого конца взяться за решение этой нелегкой задачи. Он прекрасно понимал, что никто, кроме Ко Ина, не даст ответа на эти вопросы. Но Аланг не разрешил трогать сержанта. Впрочем, может быть, шеф прав: без улики Ко Ин не заговорит, а его арест только насторожит преступников. Значит, круг замкнулся? Нет, нужно как-то попытаться развязать язык Ко Ину. Но как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.